
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ОБЗОРЪ
ИСТОЧНИКОВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ
РУССКАГО РОДОСЛОВІЯ

(по поводу книги П. Н. Петрова „Исторія родовъ русскаго дворянства“)

АЛЕКСАНДРА БАРСУКОВА.

(Читано въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 9 Декабря 1886 г.)

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ LIV-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМПЕР. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 4.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1887.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Н. Глазунова, въ С. П. Б. Эггерса, и Комп., въ С. П. Б.
Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Цѣна 50 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Январь 1887 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр. 9 лин., № 12.)

Нельзя не относиться съ живѣйшимъ сочувствіемъ къ трудамъ, посвященнымъ разработкѣ родословія Русскаго дворянства, столь необходимымъ для выясненія важной роли нашихъ родовитыхъ фамилій въ судьбахъ Россіи. Дальнѣйшая разработка Отечественной Исторіи, правильность обобщеній немыслимы безъ подробнаго изслѣдованія исторіи отдѣльныхъ дворянскихъ родовъ. «Гдѣ существуютъ исторіи родовъ, городовъ и учрежденій, — говоритъ нашъ почтенный историкъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, — тамъ возможны общія исторіи». Съ другой стороны, подобные труды благотворно дѣйствуютъ и на общественное самопознаніе. «Память о своихъ предкахъ, — писалъ покойный И. С. Аксаковъ, — чувство рода — доброе чувство, чувство историческое, вполнѣ почтенное». Далѣе И. С. Аксаковъ совершенно справедливо выражаетъ сожалѣніе, что наши дворяне «большею частью о предкахъ своихъ ничего не знаютъ, преданій рода не уважаютъ, Русской исторіи не вѣдаютъ, семейной старины не цѣнятъ» [1]).

Съ этой точки зрѣнія вновь вышедшая книга г. Петрова Исторія родовъ Русскаго дворянства (т. I. Спб. 1886) заслуживаетъ особаго вниманія. Если въ ней и встрѣчаются неизбѣжныя въ такихъ кропотливыхъ работахъ ошибки и погрѣшности, то

[1]) Изъ письма И. С. Аксакова къ графу С. Д. Шереметеву, отъ 5 мая 1882 г.

онѣ сторицею искупляются тѣмъ, что трудъ его можетъ побудить представителей нашего дворянства вспомнить о своихъ предкахъ, внимательнѣе отнестись къ прошлому своихъ родовъ.

Г. Петровъ, какъ это видно уже изъ самого заглавія его изслѣдованія, не имѣлъ въ виду замыкаться въ тѣсный кругъ Родословной книги. Изъ предисловія автора узнаемъ, что онъ задался болѣе широкими задачами: выяснить родовыя права князей Рюрикова дома, разслѣдовать время образованія княжескихъ и дворянскихъ родовъ, а также подробно и точно обозначить разнообразную дѣятельность видныхъ представителей извѣстнаго рода. Всякій согласится, что для успѣшнаго рѣшенія столь трудныхъ задачъ, необходимо, чтобы въ основаніе работы положена была правильная, хронологически-точная родословная роспись.

Для того чтобы судить о качествѣ постройки, необходимо прежде всего тщательно освидѣтельствовать ея фундаментъ, и въ этихъ видахъ мы ограничимся на сей разъ обсужденіемъ правильности помѣщенныхъ въ изслѣдованіи г. Петрова родословныхъ списковъ, равно какъ и гербовъ.

Но прежде чѣмъ приступимъ къ этому дѣлу, скажемъ нѣсколько словъ о характерѣ источниковъ Русскаго родословія и службы дворянской, а также о трудахъ предшественниковъ г. Петрова въ дѣлѣ разработки княжескихъ и дворянскихъ родословій. Сдѣлать это необходимо во 1-хъ для того, чтобы показать какой богатый матеріалъ имѣется у насъ въ наличности по предмету, избранному г. Петровымъ; а во 2-хъ потому, что самъ авторъ почти не вводитъ въ область своихъ источниковъ и пособій, не дѣлая въ потребныхъ случаяхъ даже краткой ссылки на нихъ, чѣмъ, къ сожалѣнію, умалилъ достоинство своей книги и значительно осложнилъ трудъ ея провѣрки.

I.

Историіографъ Миллеръ замѣтилъ, что «ни которое государство такъ не прославилось надежнымъ родословіемъ знатнѣйшихъ своихъ фамилій, какъ Россія» [1]). Иначе и не могло быть. Наши родословныя издревле имѣли всѣ качества актовъ юридическихъ. Онѣ вызваны были не самостоятельнымъ развитіемъ понятій о дворянскомъ достоинствѣ и чести, а правительственными распоряженіями, всѣмъ распорядкомъ службы въ Московскомъ государствѣ. Было время, когда при всякомъ назначеніи на службу (случаѣ, разрядѣ) строго соблюдалось, чтобы назначенныя лица находились въ такихъ отношеніяхъ между собою, по чиноначалію, въ какомъ бывали ихъ предки, по крайней мѣрѣ, не ниже. Всякое умаленіе въ этомъ дѣлѣ почиталось безчестіемъ всего рода и обязывало обиженнаго искать своего права, просить суда, счета. Челобитчикъ долженъ былъ въ доказательство своего права привести службу не только своихъ предковъ, но, для сравненія, и службу предковъ своего соперника. Ему приходилось быть всегда на-готовѣ высчитать по родословцу лѣствицею «кто къ кому по родству каковъ близокъ». Представляемыя при этомъ челобитчиками родословныя росписи и книги тщательно свѣрялись съ общею Родословною книгою («Государевымъ родословцемъ»), хранившеюся въ Разрядномъ приказѣ. Такой порядокъ существовалъ еще со времени Грознаго, который нерѣдко бралъ лично на себя трудъ разбирать мѣстниковъ и самъ выводилъ ихъ поколѣнныя росписи, вычислялъ службы ихъ предковъ и давнія многостороннія отношенія этой службы къ другимъ родамъ и лицамъ.

И такъ, благодаря мѣстничеству, у насъ постепенно выработались дѣйствительно надежныя родословныя, которыя, по необходимости, вели въ каждой семьѣ родословныхъ людей.

---

[1]) Извѣстія о дворянахъ Россійскихъ. Спб. 1790. Стр. 297.

Значеніе частныхъ родословныхъ не утратилось и съ упраздненіемъ мѣстничества (12 января 1682 г.). Царь Өедоръ Алексѣевичь, предавъ огню «всѣ прошенія о случаяхъ и о мѣстахъ записки», объявилъ представителямъ княжескихъ и иныхъ честныхъ родовъ, что «онъ, великій государь, имъ и впредьбудущимъ ихъ родомъ на память, изволитъ быти въ Разрядѣ родословной книгѣ родомъ ихъ, также и въ домѣхъ своихъ такія родословныя книги имъ держать, по прежнему. А награждая ихъ своею государскою милостію, тое родословную книгу нынѣ повелѣваетъ онъ, великій государь, пополнить. И которыхъ имянъ въ той книгѣ въ родѣхъ ихъ не написано, и тѣхъ имяны въ тое родословную книгу написать вновь къ сродникомъ ихъ, и для того взять у нихъ росписи за руками» [1]).

Пріемъ родословныхъ росписей, ихъ провѣрка, распредѣленіе по главамъ и степенямъ и вообще все дѣло «обновленія и пополненія» издавна хранившейся въ Разрядѣ общей Родословной книги или «Государева родословца», возложено было на боярина князя Владиміра Дмитріевича Долгорукова, думнаго дворянина Алексѣя Ивановича Ржевскаго и на двухъ думныхъ дьяковъ: Василья Григорьевича Семенова и Өедора Леонтьевича Шакловитаго, составлявшихъ вновь учрежденную Палату родословныхъ дѣлъ, которая собиралась въ Столовой палатѣ государева дворца. 26 января 1686 года, на мѣсто Ржевскаго опредѣленъ былъ окольничій Иванъ Ивановичь Чаадаевъ; а 18 сентября того-же года, по случаю отъѣзда Чаадаева съ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ въ посольство къ Римскому цезарю, «у Родословной книгѣ повелѣно быть» окольничему Ивану Аөанасьевичу Желябужскому.

Въ основаніе новой Родословной книги положенъ былъ текстъ стараго Государева родословца, предварительно подписаннаго по листамъ самимъ царемъ Өедоромъ Алексѣевичемъ, патріар-

---

[1]) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. 4. М. 1828. стр. 404.

хомъ Іоакимомъ, властьми, боярами и другими чинами [1]). Приносимыя за тѣмъ въ Родословную палату поколѣнныя росписи, долженствовавшія «обновить и пополнить» подписанную самимъ царемъ старую Родословную книгу, прежде всего свѣрялись съ нею. «И которые роды въ росписи написались къ родословнымъ людемъ, а въ Родословной книгѣ тѣхъ ихъ родовъ было не написано; такожъ у которыхъ родословныхъ людей по росписи ихъ учинялись межъ себя споры», въ обоихъ случаяхъ Родословная палата требовала сказки отъ однородцевъ и представляла государю по каждому такому дѣлу докладную выписку, на которой полагалась царская «помѣта», по нашему резолюція. Полнаго дѣлопроизводства Родословной палаты не сохранилось; тѣмъ драгоцѣннѣе встрѣчающіяся въ старыхъ дѣлахъ Департамента Герольдіи отрывочныя свѣдѣнія по этому предмету. Положительно можно сказать, что «обновленіе и пополненіе» Родословной книги производилось съ большимъ знаніемъ дѣла, со всѣмъ тщаніемъ и осмотрительностію, и что оно отнюдь не имѣло характера чего либо случайнаго и произвольнаго, как многіе склонны думать. Въ доказательство приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ архивныхъ дѣлъ Герольдіи.

Окольничій Михаилъ Юрьевичь Татищевъ (съ дѣтьми и племянниками), въ поколѣнной росписи, представленной въ Родословную палату, написалъ, что у внука князя Глѣба Святославича Смоленскаго (колѣно XVII отъ Рюрика), у князя Ивана Дмитріевича Шаха, дѣти: Юрій, Ѳедоръ и Семенъ Соломерскіе. А у Юрья сынъ Василій Татищъ, при великомъ князѣ Васильѣ Васильевичѣ былъ въ Великомъ Новгородѣ намѣстникомъ. И отъ него, Василья, написалъ родъ свой Татищевыхъ.

Но по справкѣ съ старой Родословной книгой, оказалось, что въ 11 главѣ, въ родѣ князей Смоленскихъ, «у князя Глѣба Святославича внукъ написанъ князь Иванъ Малъ, а не Шахъ, и

---

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XIV. М. 1864. Въ Дополненіяхъ стр. XVII.

отъ того князь Ивана пошли Жижемскіе князи. Князя же Ивана Шаха и Соломерскихъ и Татищевыхъ не написано».

Родословная палата потребовала сказки у князей Смоленскихъ, изъ нихъ стольникъ князь Андрей Дашковъ съ братьями показали: «о поведеніи де Соломерскихъ отъ Смоленскихъ князей никакіе вѣдомости у нихъ нѣтъ и съ Татищевыми въ родствѣ согласія у нихъ и отъ старыхъ сродниковъ ихъ никогда не бывало». Стольникъ князь Василій Васильевичь Кропоткинъ, съ сыномъ княземъ Михаиломъ, показали, что «о поведеніи Соломерскихъ отъ Смоленскихъ князей у нихъ по старымъ письмамъ вѣдомости никакія нѣтъ же». А бояринъ князь Григорій Аѳанасьевичь Козловскій вовсе не представилъ потребованной отъ него сказки по этому дѣлу.

За тѣмъ, Татищевы просили, чтобы о происхожденіи ихъ отъ князей Смоленскихъ допросили также князей Ѳоминскихъ. На докладной выпискѣ Родословной палаты царская помѣта: «Взять о томъ сказку у Ѳоминскихъ безъ мотчанья».

Сказки Ѳоминскихъ въ дѣлѣ не оказалось. Не нашлась также и сказка Заболоцкихъ, которая, между тѣмъ, рѣшила все дѣло. Родъ Татищевыхъ внесенъ былъ въ 22 главу новой Родословной книги безъ всякаго измѣненія противъ представленной ими поколѣнной росписи, съ такимъ поясненіемъ: «По указу великихъ государей, написанъ въ книгу сію родъ Татищевыхъ по ихъ росписи, по сказкѣ Заболоцкихъ».

Князья Бѣльскіе въ поколѣнной росписи, представленной въ Родословную палату, написали «поведеніе свое», отъ князей Ярославскихъ: «У князя Ивана де княжъ Михайлова сына Морткина, которой въ Литву бѣгалъ, были четыре сына — князь Василій, прозвище князь Ѳедоръ да князь Левъ да Григорій Горчакъ да князь Петръ Бѣльскіе». Однородцы князей Бѣльскихъ, князья Дмитрій Васильевичь, Ѳедоръ и Григорій Морткины, хотя и приложили руки къ ихъ росписи, но въ своей собственной росписи рода Морткиныхъ, также поданной къ Родословной книгѣ, «отъ того вышеписаннаго князя Ивана дѣтей, и бездѣтнымъ

его, и прозванія Бѣльскихъ не написали. А въ старой Родословной книгѣ, въ главѣ 12-й, въ родѣ князей Ярославскихъ, написано, что у князя Ивана Морткина, который въ Литву бѣгалъ, было всего два сына Василій да Левъ. «А иныхъ дѣтей у него и прозванія дѣтямъ его, Василью и Льву, никакого и роду Бѣльскихъ не написано».

Для разрѣшенія возникшаго недоразумѣнія, Родословная палата послала «письма» къ Ярославскимъ князьямъ боярамъ Ивану Борисовичу Троекурову и Петру Семеновичу Прозоровскому, прося у нихъ сказки «про Бѣльскихъ, что они отъ Морткиныхъ ли повелись»? Но князья Троекуровъ и Прозоровскій сказокъ не прислали.

На докладной выпискѣ царская помѣта: «Допросить Морткиныхъ князей и взять у нихъ сказку, Бѣльскіе отъ нихъ ли пошли, и для чего они въ своей росписи ихъ не написали, а къ ихъ Бѣльскихъ росписи руки приложили; и къ той росписи руки они приложили для свидѣтельства-ль, что они ихъ роду и отъ нихъ пошли»?

Отвѣта князей Морткиныхъ въ дѣлѣ нѣтъ. Въ новой Родословной книгѣ родъ Бѣльскихъ (Ярославскихъ) помѣщенъ вслѣдъ за родомъ Морткиныхъ, какъ-бы продолженіе его, и вполнѣ согласно съ росписью Бѣльскихъ, представленною въ палату, съ такимъ поясненіемъ: «Да нынѣ, по указу великихъ государей, написанъ въ сію книгу родъ Бѣльскихъ князей по ихъ росписи, по сказкѣ Морткиныхъ князей».

Нечаевы, въ своей поколѣнной росписи, поданной въ Родословную палату, написались отъ роду Плещеевыхъ, отъ тѣхъ, которые «родословились» отъ третьяго сына Ѳедора Бяконта, отъ Матвѣя Ѳедоровича Плещея: «У большаго де Кипреянова брата Пятаго (родоначальника Пятовыхъ), у Семена Москотинье (родоначальника Москотиньевыхъ)[1]) два сына — Акинѳей да Богданъ; а у Акинѳея три сына — Григорей да Суворъ да Нечай, и отъ Нечая де пошли Нечаевы».

[1]) Колѣно V-е отъ Ѳедора Бяконта.

Родословная палата, справившись съ старою Родословною книгою, усмотрѣла въ главѣ 16-й, въ родѣ Плещеевыхъ, что «у того Семена написаны дѣти Одинецъ да Богданъ; а Акинѳея сына у него, Семена, и Акинѳеевыхъ дѣтей Сувора и Нечая и роду Нечаевыхъ не написано». Кромѣ того, «и въ росписяхъ родовъ, которые пошли отъ Ѳедора Бяконта про Нечаевыхъ ничего не написано».

На докладной выпискѣ Палаты царская помѣта: «Отказать и написать въ Родословной книгѣ, что Нечаевы къ Плещеевымъ причитались и имъ въ томъ отказано, потому что они не ихъ роду».

Противъ обыкновенія, о Нечаевыхъ не отбирали сказки у ихъ однородцевъ. Въ новой же Родословной книгѣ, вслѣдъ за Плещеевыми помѣщенъ родъ Москотиньевыхъ съ ихъ родоначальникомъ упомянутымъ Семеномъ Москотинье, поколѣніе коего выведено совершенно согласно съ росписью Нечаевыхъ, а именно: «У Семена Петрова сына Москотинья дѣти — Одинецъ, имя Акинѳей, да Богданъ; а у Одинца (Акинѳея) дѣти — Григорій да Суворъ да Нечай».

Исуповы, въ росписи своей написались отъ Квашниныхъ: «Отъ пятаго де Родіонова сына Нестеровича отъ Богдана пошли Исуповы, и отъ Богдана писали поколѣніе свое Исуповыхъ». Въ старой же Родословной книгѣ, въ 20-й главѣ, въ родѣ Квашниныхъ, «у Родіона Нестерова сына написанъ одинъ сынъ Иванъ Квашня, а иныхъ дѣтей у него, Родіона, никого и Исуповыхъ въ томъ роду не написано. И въ поколѣнныхъ росписяхъ родовъ, которые пошли отъ Ивана Квашни, «про Исуповыхъ родъ ничего не написано же».

На докладной выпискѣ Родословной палаты царская помѣта: «Учинить тожъ, что и Нечаевымъ, чтобъ отъ нихъ, Исуповыхъ, и отъ Нечаевыхъ къ тѣмъ родомъ впредь причту не было» [1]).

Приведенныхъ примѣровъ, кажется, достаточно для того,

[1]) Архивъ Герольдіи: Книга рѣшенныхъ дѣлъ. № 6, л. 555 и слѣд.

чтобы убѣдиться, что думные люди, «сидѣвшіе у Родословной книги» вели дѣло вполнѣ правильно и что совершенный ими сводъ родословныхъ заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны ученыхъ. Но г. Петровъ, авторъ «Исторіи родовъ Русскаго Дворянства» имѣетъ на этотъ счетъ свое особое мнѣніе. Въ первыхъ же строкахъ своей книги онъ называетъ всѣхъ Московскихъ приказныхъ конца XVII вѣка, включая сюда и думныхъ людей, обновлявшихъ Родословную книгу, «людьми, ничего не знавшими и ничего не подозрѣвавшими при своемъ невѣденіи».... Вмѣсто того, чтобы подкрѣпить чѣмъ-нибудь документальнымъ столь рѣзкій, огульный отзывъ о почтенныхъ дѣльцахъ той дѣловой эпохи, г. Петровъ съ отчаяніемъ восклицаетъ: И такимъ-то людямъ, «за уничтоженіемъ разрядныхъ книгъ (?) при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, довѣрено было принимать сказки отъ родовитыхъ людей о происхожденіи ихъ родовъ и фамилій».... (стр. I, столб. 1). Но во 1-хъ, Разрядныхъ книгъ, по счастію, никогда не уничтожали; при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, во время упраздненія мѣстничества, преданы были огню только «прошенія о случаяхъ и о мѣстахъ записки», какъ это сказано въ извѣстномъ соборномъ дѣяніи 12-го января 1682 года [1]); Разрядныя же книги не были тронуты и, какъ увидимъ ниже, доселѣ служатъ важнымъ пособіемъ для занимающихся Русскимъ родословіемъ. А во 2-хъ, почему бы и не довѣрить было пріема сказокъ такимъ, напримѣръ, людямъ, какъ окольничій Иванъ Аѳанасьевичь Желябужскій, извѣстный оставшимися послѣ него «Записками»; или окольничій Иванъ Ивановичь Чаадаевъ, котораго даже иноземцы называли «человѣкомъ почтеннѣйшимъ» [2]). Неужели же все это были люди, «ничего не знавшіе и ничего не подозрѣвавшіе при своемъ невѣденіи!»

---

[1]) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. 4. М. 1828. № 130.

[2]) Potocki, Paulus. Opera omnia. Varsaviae 1748. стр. 199.

Какъ извѣстно, Родословная палата успѣла окончить (въ 1687 году) лишь первую часть обновленной и пополненной Родословной книги. Подлинникъ ея, подъ названіемъ Бархатной книги, какъ важнѣйшій государственный актъ, хранится въ Департаментѣ Герольдіи Правительствующаго Сената. О достовѣрности и важности этого главнѣйшаго источника княжескихъ и дворянскихъ родословій, Государственный Совѣтъ, въ мнѣніи своемъ, Высочайше утвержденномъ 29-го марта 1843 года, по дѣлу о княжескомъ достоинствѣ рода Юрьевичей, высказалъ слѣдующее: «Бархатная книга есть отнюдь не какое-либо твореніе частныхъ лицъ, но, напротивъ, оффиціальный актъ самого правительства, которое всегда придавало ему величайшую важность. Книга сія, хранившаяся сперва въ Разрядѣ, потомъ, при учрежденіи Сената, сложена была въ ономъ, какъ драгоцѣннѣйшій и самый достовѣрный документъ. Въ доказательство же, что она всегда почитаема была таковымъ отъ самодержцевъ Всероссійскихъ, достаточно будетъ сослаться на первую часть Гербовника, изданную при указѣ блаженной памяти императора Павла I-го, 1-го января 1798 года. Въ ней описаніе происхожденія и родословныхъ многихъ древнихъ фамилій, какъ напримѣръ, Хованскихъ, Голицыныхъ, Чеглоковыхъ и проч., заимствовано изъ Бархатной книги, которая именно и означена въ числѣ источниковъ, принятыхъ правительствомъ въ основаніе Гербовника».

Бархатная книга, ровно сто лѣтъ послѣ ея составленія, именно въ 1787 году, была напечатана Новиковымъ, но, къ удивленію, не по подлиннику, хранящемуся въ Герольдіи, а «по самовѣрнѣйшимъ спискамъ», какъ объявилъ издатель на заглавномъ листѣ; а въ предисловіи къ читателю онъ поясняетъ, что имѣлъ нѣсколько списковъ, «изъ которыхъ иные писаны стариннымъ, а другіе новымъ письмомъ, изъ коихъ наиболѣе заслуживалъ вѣроятія сообщенный ему отъ господина дѣйствительнаго статскаго овѣтника Ѳедора Ивановича Миллера». Похоже на то, что описка одного списка исправлялась опискою же противъ

подлинника другого списка. Понятно, что изданная Новиковымъ Бархатная книга не можетъ удовлетворять занимающихся Русскимъ родословіемъ. Отсюда небрежное отношеніе и къ самому подлиннику, почти недоступному, напримѣръ, для провинціальныхъ ученыхъ. Для возстановленія авторитета Бархатной книги необходимо нужно напечатать буквальный текстъ ея, по подлиннику.

Выставляя важность Бархатной книги, мы отнюдь не имѣли въ виду умалять достоинства и другого источника княжескихъ и дворянскихъ родословій, такъ называемыхъ частныхъ родословныхъ росписей. Нужно сказать, что родословныя росписи приносились въ Разрядъ, въ силу царскаго указа, весьма неисправно, медлительно. Послѣ нѣсколькихъ повторительныхъ указовъ представлено всего около 750 росписей, и это въ теченіи четырехъ лѣтъ, съ января 1682 года до царскаго указа, отъ 23 сентября 1686 года, въ коемъ сказано: «которые родословныхъ росписей до сего великихъ государей указу не подали, и у тѣхъ нынѣ росписей не принимать и родовъ ихъ въ Родословную книгу не писать». Изъ числа представленныхъ росписей, едва четвертая часть вошла въ составъ Бархатной книги; прочія остались неразсмотрѣнными Родословною палатою, и если не всѣ, то очень многія, доселѣ хранятся частію въ подлинникахъ въ Московскихъ архивахъ Министерства Юстиціи и Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, частію въ копіяхъ въ дѣлахъ архива Департамента Герольдіи. А сколько дворянскихъ фамилій, по разнымъ причинамъ вовсе не представляло въ Разрядъ родословныхъ, схоронивъ ихъ въ своихъ семейныхъ архивахъ! Кромѣ поколѣнныхъ росписей до насъ дошло не мало и общихъ, сводныхъ родословныхъ книгъ, очевидно частныхъ, составленныхъ родословными фамиліями для мѣстническихъ счетовъ. Такъ, во Временникѣ императорскаго Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ (кн. X.) напечатаны три такія книги. Одна изъ нихъ, принадлежащая Московской Сvнодальной библіотекѣ, написана въ промежутокъ времени отъ воцаренія Шуйскаго до избранія

на престолъ дома Романовыхъ; другая, принадлежащая Московскому Главному Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ,—при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ; а третья, принадлежащая тому же архиву, составлена еще при Грозномъ. Въ архивѣ же Иностранныхъ Дѣлъ хранится извѣстная своею достовѣрностію Лобановская родословная (доведенная до 1614 года), такъ названная по имени владѣльца оной въ XVII вѣкѣ, князя Александра Ивановича Лобанова-Ростовскаго.

Въ ряду побочныхъ источниковъ для нашихъ родословій первое мѣсто безспорно принадлежитъ Разряднымъ книгамъ, которыя также раздѣляются на правительственныя и частныя. Первыя составлялись въ Разрядномъ приказѣ и въ разрядахъ, при каждомъ воеводѣ. Вторыя велись служилыми людьми всякихъ чиновъ лично для себя, служа имъ руководствомъ въ службѣ и доказательствомъ ихъ правъ въ спорахъ по мѣстничеству. Разрядныя книги въ ихъ совокупности составляютъ обширный повременный и потомственный послужный списокъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства, начиная съ XV вѣка. Онѣ представляютъ весьма цѣнный матеріалъ для повѣрки хронологическихъ указаній княжескихъ, боярскихъ и дворянскихъ родословныхъ. Русская историческая наука обязана вѣчною признательностію императору Николаю Павловичу, повелѣвшему привести въ точную извѣстность всѣ дошедшія до насъ, какъ оффиціальныя, такъ и частныя разрядныя книги, сличить ихъ, повѣрить однѣ другими и затѣмъ издать при Второмъ Отдѣленіи собственной его императорскаго величества канцеляріи. Само собою разумѣется, что капитальныя изданія Втораго Отдѣленія, подъ заглавіями «Дворцовые разряды» (4 тома съ Дополненіемъ) и «Книги разрядныя» (2 тома), далеко не могли вмѣстить въ себѣ всѣ сохранившіяся разрядныя книги. До сихъ поръ въ частныхъ собраніяхъ любителей старины постоянно открываются новыя разрядныя книги, значительно дополняющія и объясняющія напечатанные разрядные списки. Легко себѣ представить сколько ихъ набралось за

тридцать слишкомъ лѣтъ со времени выхода въ свѣтъ Дворцовыхъ разрядовъ и Книгъ разрядныхъ.

Далѣе слѣдуютъ хранящіяся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи Боярскія книги и Боярскіе списки. Въ Боярскихъ книгахъ [1]) писаны всѣ должностныя лица съ означеніемъ ихъ окладовъ помѣстныхъ и денежныхъ и всѣхъ перемѣнъ по службѣ. Попадаются при нѣкоторыхъ лицахъ весьма важныя біографическія отмѣтки: о болѣзни, о плѣненіи непріятелемъ, объ опалѣ, казни, постриженіи въ монастырь и т. подоб. Сохранилось всего двѣнадцать Боярскихъ книгъ, за время съ 1627 по 1692 годъ. Бывшій инспекторъ государственныхъ архивовъ П. И. Ивановъ составилъ ко всѣмъ этимъ книгамъ алфавитный указатель, напечатанный въ Москвѣ, въ 1853 году. Сохранилась и древнѣйшая Боярская книга — 1556 года. Она принадлежитъ Московскому Главному Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и напечатана княземъ М. А. Оболенскимъ въ Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній, изд. Калачовымъ (кн. 3. 1861 г. отд. II. стр. 25—88).

Боярскіе списки суть полные, ежегодно возобновлявшіеся послужные списки высшихъ чиновъ государства до стольниковъ. Въ нихъ изрѣдка попадаются противъ нѣкоторыхъ лицъ отмѣтки на поляхъ: «Въ полону»; въ такомъ то году «отъ воровскихъ казаковъ убитъ» и т. подоб. Въ концѣ каждой книги находится особый отдѣлъ, подъ слѣдующею рубрикою: «За старостью и увѣчьемъ отъ полковые службы отставлены». Всѣхъ книгъ съ боярскими списками сохранилось 60, за время съ 1668 по 1713 годъ и 7 вязокъ Древнѣйшій боярскій списокъ (начинающійся съ 1462 года), въ прошломъ столѣтіи принесенъ былъ въ даръ Вольному Россійскому Собранію при Московскомъ университетѣ вдовою Марьей Петровной Шереметевою (рожд. Лакостъ), чрезъ посредство сына своего Владиміра Ѳедоровича Шереметева, и

---

[1]) Боярскія книги составлялись не на каждый годъ.

напечатанъ во Древней Россійской вивліоѳикѣ (Изд. 2. ч. XX. М. 1791).

До уничтоженія мѣстничества, Боярскія книги и Боярскіе списки служили оффиціальными справочными документами, на которые тяжущіяся стороны ссылались въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ о служебномъ старшинствѣ. Боярскія книги и списки сохранили свое важное значеніе и въ настоящее время, какъ достовѣрные источники въ справкахъ о древнѣйшихъ дворянскихъ родахъ.

Къ числу побочныхъ же источниковъ для княжескихъ и дворянскихъ родословій принадлежатъ также общіе и частные временники, лѣтописцы, а также монастырскіе и церковные синодики. Указываемъ на эти послѣдніе собственно для того, чтобы напомнить объ ихъ существованіи и высказать сожалѣніе, что источникъ сей доселѣ остается почти непочатымъ. Мы имѣли столько случаевъ лично убѣждаться, что порядокъ, въ которомъ записывались въ поминовеніе имена родителей и предковъ большею частію тотъ же что и въ родословныхъ. Кромѣ провѣрки родословныхъ, синодики весьма способствуютъ восполненію одного важнаго пробѣла въ нашихъ поколѣнныхъ росписяхъ. Говоримъ о женскихъ именахъ, постоянно въ нихъ отсутствующихъ. Главнымъ же матеріаломъ для пополненія родословныхъ женскими именами служатъ разные крѣпостные документы, во множествѣ сохранившіеся въ архивахъ, какъ правительственныхъ, такъ и дворянскихъ.

Нельзя въ заключеніе не остановиться еще на одномъ важнѣйшемъ источникѣ для дворянскихъ родословій — это архивъ Департамента Герольдіи.

Петръ Великій, установивъ Сенатъ, упразднилъ Разрядный приказъ, а вмѣсто послѣдняго, 22 февраля 1711 года, учредилъ при Сенатѣ разрядный столъ. «Вмѣсто Приказа разряднаго — читаемъ въ царскомъ указѣ — быть столу разрядному при Сенатѣ». Весь личный составъ Разряднаго приказа, значительно сокращенный въ предшествовавшія преобразованія приказовъ,

со всѣми дьяками и подъячими, сѣлъ за разрядный столъ Сената и продолжалъ свое дѣло, по прежнему. Въ 1722 году, съ учрежденіемъ новой въ Россіи должности Герольдмейстера, разрядный столъ былъ обращенъ въ Герольдмейстерскую Контору и съ этого времени начинаются книги Герольдіи. Такихъ книгъ, именуемыхъ «Книгами рѣшенныхъ дѣлъ», сохранилось 278. Онѣ составляютъ драгоцѣнный матеріалъ для исторіи Русскихъ дворянскихъ родовъ. Можно положительно сказать, что въ то время Герольдмейстерская Контора завѣдывала всѣмъ Дворянствомъ Имперіи. Она давала удостовѣренія въ дворянскомъ достоинствѣ и снабжала дворянскіе роды гербами. Ей поручено было вести списки всѣхъ гражданскихъ, придворныхъ и военныхъ чиновъ, и ихъ дѣтей. Она же должна была наблюдать, чтобъ дѣти дворянъ получали образованіе и не укрывались отъ службы. Она представляла Сенату требуемыхъ имъ кандидатовъ на должности и дѣлала смотры недорослямъ [1]). Этотъ общій очеркъ круга вѣдѣнія Герольдмейстерской Конторы даетъ достаточное понятіе о томъ, какого рода документы и свѣдѣнія находятся въ Книгахъ рѣшенныхъ дѣлъ Департамента Герольдіи. По нашему предмету въ нихъ особенно важны сказки, взятыя Герольдмейстерскою Конторою отъ разныхъ лицъ и по разнымъ случаямъ. При сказкахъ обыкновенно прикладывались поколѣнныя росписи и весьма часто копіи съ жалованныхъ грамотъ, подлинники коихъ уже не существуютъ. Представляемыя поколѣнныя росписи препровождались въ Разрядный архивъ и оттуда сообщали точныя архивныя выписки о службѣ предковъ просителя.

Приведемъ для образца дословныя копіи съ двухъ сказокъ. Одна изъ нихъ подана представителемъ коренного Русскаго дворянскаго рода, Иваномъ Бартеневымъ; а другая — представителемъ выѣзжаго рода, Николаемъ Абазою.

1) «1765 года, мая 25 дня, по указу ея императорскаго величества, въ Герольдмейстерской Конторѣ недоросль Иванъ Ни-

[1]) Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи. К. 3. М. 1876, стр. 45.

китинъ сынъ Бартеневъ явился къ первому смотру и показалъ: отъ роду ему 16 лѣтъ, грамотѣ Россійской и писать обученъ. Предки его были изъ дворянъ, изъ коихъ прадѣдъ Өедоръ, а чей сынъ и гдѣ служилъ не упомнитъ; дѣдъ Андрей Өедоровъ сынъ, гдѣ служилъ не упомнитъ же; а отецъ Никита Андреевъ сынъ, служилъ въ Сибирскомъ драгунскомъ полку драгуномъ и отставленъ сержантомъ, и померли. Крестьянъ за нимъ въ Галицкомъ уѣздѣ 10 душъ. Желаетъ лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ въ солдаты. О родѣ своемъ, кого онъ могъ упомнить, пріобщаетъ при сей сказкѣ поколѣнную роспись. А показанные крестьяне предковъ его родовые. А на дворянство предковъ его герба и на оныхъ крестьянъ жалованныхъ грамотъ онъ не имѣетъ». Слѣдуетъ подпись недоросля Ивана Никитина Бартенева и свидѣтельство однородца: «По вышеозначенномъ недорослѣ, что онъ подлинно изъ дворянъ, во свидѣтельство подписуюсь находящійся при дворѣ ея императорскаго величества, секундъ-маіоръ Иванъ Никитинъ сынъ Бартеневъ».

Къ сказкѣ приложена слѣдующая поколѣнная роспись:

Родъ Бартеневыхъ.

Өедоръ
гдѣ служилъ,
не знаетъ.
Умре.

|

Андрей,
тожъ.
Умре.

|

Никита
былъ у отставки сержантомъ.
Умре.

|

Андрей въ отставкѣ драгуномъ.	Осипъ въ отставкѣ недорослемъ	Иванъ проситель.

По справкѣ въ Разрядномъ архивѣ отыскано: «Въ Галицкой десятинѣ $\frac{7133}{1630}$ и $\frac{7139}{1631}$ годовъ, раздачи денежнаго жалованья, которое раздавали бояринъ Михайло Борисовичь Шеинъ да дьякъ Степанъ Угоцкой Галичаномъ дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ, въ томъ числѣ и городовымъ: Ѳедка Ѳатьяновъ сынъ Бартеневъ, окладъ ему 220 четвертей, денегъ 6 рублевъ; подъ именемъ его написано: сказали окладчики — къ Москвѣ не бывалъ, бѣденъ, и впредь за бѣдностію (на службѣ) быти не мочно, помѣстишко пусто; а нынѣ самъ сказалъ — безпомѣстенъ, на государевѣ службѣ будетъ на меринѣ съ пищалью; государева жалованья дано ему 15 рублевъ. Андрюшка Ѳедоровъ сынъ Бартеневъ, окладъ ему 300 четвертей; подъ именемъ его написано: сказали окладчики — къ Москвѣ не бывалъ за бѣдностію, малопомѣстенъ и впредь за бѣдностію въ службу не будетъ».

2) «1764 года, ноября 28 дня, по указу ея императорскаго величества, въ Герольдмейстерской Конторѣ недоросль Николай Константиновъ сынъ Абаза явился къ первому смотру и показалъ: отъ роду ему двѣнадцатый годъ, грамотѣ Россійской и писать обученъ. Предки его были Волоской земли изъ дворянъ. Прадѣдъ Абаза Вораника и дѣдъ его Илья Абаза, въ 1711 году, изъ той Волоской земли выѣхали въ Великороссію съ Волоскимъ господаремъ Кантемиромъ, и по выѣздѣ, (Илья Абаза) служилъ полковникомъ; а отецъ его Константинъ Ильинъ сынъ Абаза, служилъ въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ переводчикомъ и померли. Крестьянъ за нимъ нѣтъ, желаетъ въ Сухопутной Кадетской корпусъ въ кадеты. А на дворянство предковъ его онъ герба не имѣетъ, а имѣетъ жалованную грамоту, данную прадѣду его Абазу, въ 718 году, на деревни въ Малороссіи, съ которой пріобщаетъ при сей (сказкѣ) копію». Слѣдуетъ поколѣнная роспись «Рода Абазовыхъ», а за тѣмъ копія съ упомянутой жалованной грамоты [1]).

[1]) Архивъ Департамента Герольдіи: Книга рѣшенныхъ дѣлъ. № 12. Л. 664—668, 730 и слѣд.

Историку Русскаго дворянства, конечно, нельзя обойти и Дворянскихъ родословныхъ книгъ, постоянно доставлявшихся въ Герольдію всѣми Депутатскими Собраніями, начиная съ 1787 года по 1848-й. Такихъ книгъ имѣется на лицо въ архивѣ Департамента Герольдіи свыше пятнадцати тысячъ.

II.

Первая попытка составить Русское родословіе относится еще къ XIV вѣку. Ее предпринялъ Кіевскій митрополитъ Кипріанъ, родомъ Сербъ, и, по предположенію К. Н. Бестужева-Рюмина, не безъ вліянія «Родословца» Сербскаго архіепископа Даніила [1]). Начатая Кипріаномъ «Книга Степенная царскаго родословія», такъ названная по принятой въ ней системѣ расположенія историческихъ фактовъ по великимъ князьямъ, а послѣднихъ по степенямъ родословнымъ, была завершена, около 1563 года, митрополитомъ Макаріемъ, извѣстнымъ собирателемъ Миней-Четьихъ. Конечно, возможно допустить, что и другіе Всероссійскіе митрополиты, между Кипріаномъ и Макаріемъ, преемственно прилагали свой трудъ къ продолженію, пополненію и исправленію Степенной книги, издревле «отъ всѣхъ высокопочитаемой» и постоянно хранившейся въ Митрополичьемъ домѣ. Степенная книга, въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, дѣйствительно, носитъ на себѣ слѣды переработки многихъ лицъ. Она вмѣстила въ себѣ выписки изъ такихъ памятниковъ древней письменности, которые нынѣ вовсе неизвѣстны или извѣстны лишь по наслышкѣ. Съ этой стороны Степенная книга никогда не утратитъ своего неоспоримо важнаго значенія. Исторіографъ Миллеръ оказалъ большую услугу, напечатавъ ее, въ 1775 году, по самому старому и точному списку, полученному отъ архіепископа Московскаго Амвросія. По отзыву знатока нашей письменности, П. М. Строева, «Степенная книга издана Мил-

[1]) Русская исторія. Т. I. Спб. 1872 стр. 34. примѣч. 59.

леромъ довольно исправно» [1]), и въ этомъ каждый можетъ убѣдиться, сравнивъ напечатанный текстъ съ оригиналомъ, хранящимся въ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Каждый же можетъ убѣдиться и въ томъ, что на заглавномъ листѣ изданной Степенной книги сказано, что она напечатана подъ смотрѣніемъ (т. е. подъ наблюденіемъ) Миллера. Но г. Петровъ, авторъ «Исторіи родовъ Русскаго дворянства», въ своей начальной статьѣ «Значеніе Степенной книги», вовсе однако необъяснившей ея значенія, почему то замѣнилъ совершенно правильное слово «смотрѣніе» своимъ собственнымъ словомъ «усмотрѣніе». Сперва мы приняли это за описку или опечатку. Но г. Петровъ говоритъ далѣе: «*Усмотрѣніе* [2]) же этого лица (т. е. Миллера), какъ показываютъ его собственныя творенія, не могло далеко простираться за ограниченностію размѣровъ научной подготовки при недостаточномъ пониманіи нашего языка» (стр. 1., столб. 2). А нѣсколько ниже дозволяетъ себѣ уже прямо глумиться надъ Миллеромъ, называя его «усматривателемъ Степенной книги».... Отъ занимающагося Русскою исторіею и Русскимъ родословіемъ въ частности, можно требовать болѣе справедливаго, болѣе серьезнаго отношенія къ знаменитому ученому иноземцу, всю свою жизнь отдавшему Русской исторической наукѣ.

Изъ многочисленныхъ списковъ Степенной книги, для занимающихся родословіемъ наиболѣе любопытенъ принадлежащій Антоніеву Сійскому монастырю и пожертвованный туда, въ 1692 году, патріаршимъ казначеемъ Паисіемъ. Къ концу этого списка присоединена «краткая родословная книга» [3]).

Въ Петровское время родословіемъ занимался нѣкоторое время архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Въ 1719 году онъ сочинилъ Родословную роспись Великихъ Князей и Ца-

---

[1]) Николай Барсуковъ. Жизнь и труды П. М. Строева. Спб. 1878. стр. 314.

[2]) Курсивъ у г. Петрова.

[3]) Строевъ. Библіологическій Словарь. Спб. 1882. стр. 438.

рей Россійскихъ. Хотя самъ авторъ и говоритъ, что для точности хронологическихъ показаній ему пришлось перечитывать Русскихъ и Польскихъ историковъ и лѣтописцевъ, но его роспись, напечатанная на большомъ листѣ, съ лицевыми изображеніями государей, все-таки не имѣетъ строго научнаго характера.

Систематическимъ или ученымъ родословіемъ начали заниматься у насъ лишь со второй половины прошлаго столѣтія, въ счастливые для науки дни царствованія Екатерины II, которая сама упражнялась въ составленіи родословной Россійскихъ великихъ князей и смотрѣла на это дѣло, какъ на «повѣрку исторіи и хронологіи» [1]. Собственно родословныя таблицы (княжескія) впервые составлены были лицомъ, стоявшимъ во главѣ учрежденія, справедливо почитаемаго прямымъ преемникомъ Разряднаго приказа. Князь Михаилъ Михаиловичь Щербатовъ, съ 1770 г. начавшій печатать свою «Исторію Россійскую отъ древнѣйшихъ временъ», а съ 1771 года занимавшій должность Герольдмейстера, первый составилъ родословныя таблицы княжескихъ поколѣній. По его словамъ, «сочиненіе таковыхъ родословныхъ стоило ему несказаннаго труда». Не взирая однако на это, таблицы князя Щербатова вышли весьма неудовлетворительными, особенно относительно поколѣнія Черниговскихъ князей. Трудолюбивому историку не удалось справиться съ множествомъ удѣльныхъ князей, безпрестанно перемѣнявшихъ удѣлы и съ массой одноименныхъ князей. Безчисленными предположеніями и догадками князь Щербатовъ очень запуталъ свои родословныя, которыя, по выраженію Строева, остались «внѣ употребленія». Но мы все-таки останемся признательными князю Щербатову, памятуя, что онъ пролагалъ первую стезю [2].

---

[1] Дневникъ А. В. Храповицкаго, изданный Николаемъ Барсуковымъ. Спб. 1874, стр. 393. — Родословная, составленная императрицею Екатериною, помѣщена въ V части «Записокъ касательно Россійской исторіи». Спб. 1801.

[2] Занимающійся Русскимъ родословіемъ, долженъ имѣть въ виду еще слѣдующія сочиненія князя Мих. Мих. Щербатова: 1) Краткое историческое повѣствованіе о началѣ родовъ князей Россійскихъ, происходящихъ

Гораздо исправнѣе родословныя таблицы академика Стриттера. Нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, росписи Черниговскихъ князей, «составлены съ величайшимъ разсмотрѣніемъ и носятъ на себѣ отпечатокъ трудолюбія сочинителя»[1]). За то росписи, приложенныя къ 3-й части Стриттеровой «Исторіи Россійскаго Государства», вышедшей въ 1802 году, уже по смерти автора, столь несовершенны, что Строевъ полагалъ даже, что онѣ составлены не самимъ историкомъ, но кѣмъ-либо другимъ послѣ его смерти.

Вотъ и все, что было сдѣлано у насъ собственно для княжескихъ родословій до самого выхода въ свѣтъ, въ 1816 году, «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина.

По тѣсной связи княжескихъ родословій съ дворянскими, весьма естественно перейти къ тѣмъ трудолюбцамъ, которые въ описываемое время, то есть во вторую половину XVIII вѣка, воздѣлывали необозримое поле дворянскихъ родословій и накопляли матеріалъ для будущаго историка Русскаго дворянства.

Прежде всего должны упомянуть о депутатѣ отъ Крапивенскаго дворянства въ извѣстную Коммиссію Новаго Уложенія Анисимѣ Титовичѣ Князевѣ. Въ 1776 году, сама Екатерина поручила ему сдѣлать въ Московскомъ Разрядномъ архивѣ разныя выписки объ узаконеніяхъ касательно дворянъ, о дворянскихъ службахъ и доказательствахъ на дворянство, а также составить изъ всѣхъ хранящихся въ томъ архивѣ дворянскихъ родословныхъ «реестръ по алфавиту именъ всѣхъ фамилій, съ объясненіемъ откуда каждый родъ происходитъ»[2]). Памятникомъ архивныхъ изслѣдованій Князева служитъ составленный имъ, во исполненіе порученія государыни, Сборникъ въ 146 листовъ

отъ великаго князя Рюрика. М. 1785. и 2) Родословныя: князей Щербатовыхъ, Репниныхъ, Сонцовыхъ, Мосальскихъ, Одоевскихъ и Шаховскихъ (Помѣщены въ Древней Россійской вивліоѳикѣ. Изд. 2, ч. IX. М. 1789).

[1]) Николай Барсуковъ. Жизнь и труды П. М. Строева. Спб.1878, стр. 8.

[2]) Николай Барсуковъ. А. Т. Князевъ, трудолюбецъ прошлаго вѣка (Русскій Архивъ 1885 г., стр. 461 и слѣд.).

скорописью, подъ скромнымъ заглавіемъ: «Выборъ изъ законовъ о дворянствѣ». Эту замѣчательную рукопись, хранящуюся нынѣ въ Москвѣ, въ Румянцовскомъ музеѣ, невозможно обойти историку Русскихъ дворянскихъ родовъ. Онъ найдетъ тамъ выписки изъ такихъ документовъ, которые навсегда погибли въ бѣдственный Двѣнадцатый годъ, во время нашествія иноплеменныхъ въ Москву, когда «всѣ дѣла Разряднаго архива были выброшены внѣ Кремля»[1]), и потомъ хотя и были вновь собраны, но, разумѣется, далеко не въ полномъ составѣ.

Въ Сборникѣ Князева помѣщены, между прочимъ, копіи съ 17-ти поколѣнныхъ росписей, нѣкогда поданныхъ въ Родословную палату, изъ числа коихъ 10 не вошли въ Бархатную книгу, а именно: малоизвѣстныхъ князей Нерыцкихъ, дворянъ Бестужевыхъ, Вышеславцовыхъ, Великогагиныхъ, Водорацкихъ, Карбышевыхъ, Григоровыхъ, Винковыхъ, Карауловыхъ и Спасителевыхъ.

Князевъ оказалъ большую услугу и Русской Геральдикѣ. Онъ составилъ первый въ Россіи Гербовникъ дворянскихъ фамилій и поднесъ его императрицѣ Екатеринѣ еще въ 1785 году, слѣдовательно тринадцатью годами раньше изданія «Общаго Гербовника Дворянскихъ родовъ Всероссійской Имперіи»[2]).

Гербовникъ Князева, къ сожалѣнію, доселѣ неизданный, имѣетъ слѣдующее заглавіе: «Собраніе фамильныхъ гербовъ, означающихъ отличія благородныхъ родовъ обширныя Россійскія Имперіи: частно-снятое съ печатей и приведенное въ алфабѣтной порядокъ». Въ посвятительномъ письмѣ императрицѣ Екатеринѣ Князевъ такъ изъясняетъ причины, побудившія его къ составленію Гербовника: Отъ древнихъ времянъ, въ числѣ преимуществъ дворянскихъ не послѣднимъ было имѣть гербы, и они

---

[1]) Оффиціальная справка отъ Московскихъ Герольдмейстерскихъ дѣлъ (Архивное дѣло Герольдіи 1815 года № 6, о внесеніи рода Нагаевыхъ въ Гербовникъ).

[2]) Первая часть Общаго Гербовника Высочайше утверждена и издана 1-го января 1798 года.

навсегда даже до нынѣ остаются въ почтеніи и очевидными знаками заслугъ къ своему государю и отечеству каждаго дворянскаго рода. Уважая таковую знаменитость, и пользоваться ими дозволено не инаково, какъ по утвержденію владѣющихъ государей и за ихъ подписаніемъ. Такъ точно и въ государствѣ Россійскомъ установлено. Составляя алфавитъ и выборъ изъ законовъ, примѣтилъ я: при подачѣ прежнихъ родословныхъ представлены были гербы отъ самомалѣйшей части дворянскихъ родовъ, такъ что всѣхъ ихъ не больше осьмнадцати, но и тѣ съ Польскими гербовниками повѣряемы (были) по однимъ только собственнымъ показаніямъ. А чтобъ подлинно принадлежали подавателямъ родословныхъ или бы выѣхавшимъ ихъ предкамъ, на то доказательствъ не представлено. Есть еще часть описаній гербамъ же, по нихъ дѣланы выправки съ Польскими жъ гербовниками, но ни гербамъ вѣрнаго по роду свидѣтельства, ниже составленія гербовъ не было. Словомъ, всѣмъ прежнимъ, какъ княжескимъ, такъ и дворянскимъ, а можетъ и графскимъ гербамъ, кромѣ новѣйшихъ времянъ, не только Высочайшимъ подписаніемъ, но и никакими опредѣленіями утвержденія не было».

Весьма важенъ для отечественной Геральдики самый способъ, употребленный Князевымъ для составленія своего Гербовника. Онъ самъ говоритъ въ томъ же посвятительномъ письмѣ: «По бывшему моему въ дѣлахъ упражненію, имѣя переписку со многими дворянскими фамиліями, находя сей случай удобнымъ, старался я, сколько можно, собрать гербы по употребленію на печатяхъ, дополняя нѣсколько и послѣ того». Такимъ путемъ Князевъ собралъ въ своемъ Гербовникѣ 377 дворянскихъ фамилій и 527 принадлежащихъ имъ гербовъ[1]), рисованныхъ очень искусно красками. Гербы срисованные у Князева, по большей части, съ фамильныхъ печатей, во многомъ отличаются отъ тѣхъ,

---

[1])При нѣкоторыхъ фамиліяхъ по два герба, разныхъ отраслей фамиліи. А при фамиліи Потемкиныхъ пять различныхъ гербовъ.

которые помѣщены въ Общемъ Гербовникѣ. Напримѣръ, у Князева, въ гербѣ извѣстнаго Петра Дмитріевича Еропкина щитъ пересѣченный; въ верхнемъ лазуревомъ полѣ серебряный мечь, сопровождаемый снизу летящею вправо птицею; а въ нижнемъ серебряномъ полѣ золотая на красномъ лафетѣ пушка. Князевъ дѣлаетъ примѣчаніе, конечно, со словъ самого Петра Дмитріевича Еропкина, проживавшаго въ пору составленія Гербовника въ Москвѣ, что «у другихъ ево (Еропкина) однородцевъ точно таковъ же» (гербъ). А между тѣмъ, въ Общемъ Гербовникѣ (Ч. II, 18) въ гербѣ Еропкиныхъ щитъ простой (т. е. нераздѣленный), въ серебряномъ полѣ коего черная на золотомъ лафетѣ пушка съ райскою птицею (Смоленское знамя), сопровождаемая сверху мечемъ.

Составители Общаго Гербовника не могли имѣть въ виду Князевскаго Гербовника, переданнаго, какъ предполагаютъ, императрицею Екатериною князю Потемкину. Предположеніе это основано на томъ, что Гербовникъ сей открытъ въ Потемкинской библіотекѣ, долго хранившейся послѣ смерти ея хозяина въ Новороссійскѣ, въ вѣдомствѣ Приказа Общественнаго Призрѣнія. Какъ извѣстно, библіотека эта вошла въ составъ библіотеки Казанскаго университета, гдѣ донынѣ хранится Гербовникъ Князева, почитаемый одною изъ замѣчательнѣйшихъ рукописей Потемкинскаго собранія [1]).

Весьма вѣроятно, что труды Князева были небезполезны и для самого исторіографа Миллера, которому императрица Екатерина также поручила, годъ спустя послѣ Князева, именно въ 1777 году, сдѣлать изслѣдованіе о древнемъ Русскомъ дворянствѣ, буквально по той же программѣ, которая преподана была Князеву: развѣдать «какія есть узаконенія на дворянство, какія бывали дворянскія службы и какія нынѣ есть, и выбрать

---

[1]) А. И. Артемьевъ. Описаніе рукописей, хранящихся въ библіотекѣ императорскаго Казанскаго университета. Спб. 1882. Стр. 14 и слѣд.

доказательства на дворянство»[1]). Въ то время Миллеръ занималъ должность начальника Московскаго архива Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Такимъ образомъ, по волѣ Великой Екатерины, два испытанные труженника, почти одновременно производили въ двухъ главнѣйшихъ государственныхъ архивахъ генеалогическія и историческія изслѣдованія о Русскомъ дворянствѣ, понадобившіяся императрицѣ для сочиненія дворянской грамоты.

Миллеръ приступилъ къ порученному дѣлу не только съ свойственнымъ ему рвеніемъ, но и съ давней подготовкой. Еще въ 1730 году, на второй или на третій годъ по прибытіи въ Россію, онъ занимался составленіемъ генеалогической росписи рода графовъ Сапѣгъ и самъ говорилъ, что «этимъ первымъ опытомъ онъ подготовилъ себя къ труднымъ, но полезнымъ работамъ представлять въ таблицахъ родословія изъ исторіи, а также знатнѣйшихъ Русскихъ семействъ»[2]).

Дѣйствительно, какъ прежде, такъ и послѣ своего ученаго путешествія въ Сибирь, Миллеръ много занимался родословіемъ удѣльныхъ князей Тверскихъ, Смоленскихъ, Ярославскихъ, Ростовскихъ, Черниговскихъ и разныхъ знатныхъ родовъ, напримѣръ, Шереметевыхъ, князей Голицыныхъ, Куракиныхъ и другихъ. Такъ что въ 1746 году онъ выступилъ уже во всеоружіи знатока родословнаго дѣла противъ Крекшина, выводившаго Романовыхъ отъ Ярославскихъ князей Романовичей. Онъ въ состояніи былъ не только доказать неосновательность Крекшинскихъ измышленій, но и сочинить новую, достовѣрную родословную роспись фамиліи Романовыхъ, съ показаніемъ лѣтъ, когда кто жилъ и въ какихъ службахъ находился[3]).

Какъ результатъ архивныхъ изслѣдованій Миллера о Рус-

---

[1]) Митрополитъ Евгеній. Словарь Русскихъ свѣтскихъ писателей. Т. II. М. 1845, стр. 85.

[2]) Пекарскій. Исторія Императорской Академіи Наукъ. Т. I. Спб. 1870. Стр. 312.

[3]) Митрополитъ Евгеній. Словарь Русскихъ свѣтскихъ писателей. Т. II. М. 1845, стр. 62.

[illegible] отечествѣ, мы имѣемъ столь извѣстную его книгу, переведенную съ Нѣмецкаго въ 1790 году, заглавіе которой достаточно опредѣляетъ ея содержаніе: «Извѣстіе о дворянахъ Россійскихъ, ихъ древнемъ происхожденіи, о старинныхъ чинахъ и какія ихъ были должности при государяхъ, царяхъ и великихъ князьяхъ, о выборѣ доказательствъ на дворянство, о родословной книгѣ, о владѣніи деревень, о службѣ предковъ и собственной и о дипломахъ».

Но кромѣ этого замѣчательнаго сочиненія, для занимающихся родословіемъ Русскихъ дворянскихъ родовъ, представляютъ большую важность, оставшіеся послѣ неутомимаго исторіографа, 258 портфелей разныхъ архивныхъ выписокъ, содержащихъ въ себѣ громадный запасъ самыхъ разнородныхъ историческихъ матеріаловъ, которымъ пользуются уже болѣе ста лѣтъ, но до сихъ поръ не могутъ исчерпать его [1]). Одинъ видъ портфелей Миллера, съ надписью: «Генеалогическія извѣстія, собранныя по алфавиту изъ Разрядныхъ книгъ», невольно наполнитъ душу чувствомъ признательности къ ученому мужу, такъ много потрудившемуся надъ собираніемъ Русскихъ древностей.

Заслуженное мѣсто подлѣ исторіографа Миллера въ дѣлѣ собиранія матеріаловъ для Русскаго родословія и исторіи дворянства занимаетъ сынъ Чесменскаго героя адмирала Спиридова, сенаторъ Матвѣй Григорьевичь Спиридовъ, зять исторіографа князя Щербатова и его достойный преемникъ по изслѣдованію отечественныхъ древностей. Князь Щербатовъ руководилъ историческими занятіями Спиридова и оставилъ ему свое богатое собраніе документовъ и бумагъ.

Спиридовъ, въ теченіи 30 лѣтъ, занимался собираніемъ матеріаловъ о службахъ Русскихъ дворянскихъ родовъ и, накопивъ огромный запасъ архивныхъ выписокъ, приступилъ къ его научной разработкѣ уже послѣ смерти князя Щербатова. Въ 1804

---

[1]) Миллеровскіе портфели хранятся въ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ.

году, онъ впервые напечаталъ въ Москвѣ, въ 12 долю листа, свой «Краткій опытъ историческаго извѣстія о Россійскомъ дворянствѣ, извлеченный и сочиненный изъ степенныхъ, статейныхъ, чиновныхъ и другихъ разныхъ Россійско-историческихъ книгъ, съ показаніемъ родоначальниковъ нѣкоторыхъ, въ родословной, Бархатной называемой, книгѣ показанныхъ родовъ».

Имя почтеннаго труженика едва можно разобрать въ концѣ посвященія книги Русскому дворянству: «Краткій опытъ историческаго извѣстія о Россійскомъ Дворянствѣ, Благородному Россійскому Дворянству Дмстперв.» То есть: Далъ Матвѣй Спиридовъ трудъ первый [1]).

Какъ продолженіе этого перваго труда, Спиридовъ напечаталъ въ Москвѣ же, въ четвертую долю листа, въ 2-хъ частяхъ, свое «Сокращенное описаніе служебъ благородныхъ Россійскихъ Дворянъ, расположенное по родамъ ихъ, съ показаніемъ, отъ кого тѣ роды начало свое получили, или откуда какіе родоначальники выѣхали, или которыхъ ни происхожденіе, ни выѣзды издателю неизвѣстны: со вмѣщеніемъ такого же описанія служившихъ въ древности Россіи, также и иностранныхъ въ Россійской службѣ бывшихъ, служащее продолженіемъ Краткому Опыту Историческаго извѣстія о Россійскомъ дворянствѣ, въ 1804 году напечатанному. Собранное изъ статейныхъ, разрядныхъ, степенныхъ, лѣтописныхъ, служебныхъ и нѣкоторыхъ другихъ родословныхъ книгъ» (Ч. I, 343 стр.; ч. II, 355 стр.).

Вотъ все, что намъ извѣстно о печатныхъ трудахъ Спиридова. У Сопикова же и у митрополита Евгенія показано, что «Сокращеннаго Описанія служебъ благородныхъ Россійскихъ дворянъ» напечатано было не двѣ, а три части, обѣщано же авторомъ девять частей и что шесть остались неизданными.

---

[1]) Такъ прочиталъ эту надпись правнучатный племянникъ Матвѣя Григорьевича Спиридова, нашъ молодой археологъ Алексѣй Александровичъ Васильчиковъ. До сихъ поръ нѣкоторые думали, что въ этой таинственной надписи скрывается фамилія Дмитревскаго...

Кромѣ того, въ 1803 году была издана еще 1 часть сочиненнаго Спиридовымъ «Словаря родословнаго Россійскаго». Намъ никогда не удавалось видѣть ни 3 части «Сокращеннаго Описанія служебъ», ни Спиридовскаго Словаря. Ихъ нѣтъ даже и въ Публичной библіотекѣ. Что же касается до шести неизданныхъ частей «Сокращеннаго Описанія», то извѣстно, что онѣ совсѣмъ уже были готовы у Спиридова, но въ Двѣнадцатомъ году сгорѣли вмѣстѣ съ его Московскимъ домомъ. Къ счастію, уцѣлѣли черновыя рукописи, которыя и хранятся нынѣ, какъ драгоцѣнный даръ наслѣдниковъ Спиридова, въ Отдѣленіи рукописей императорской Публичной библіотеки, въ числѣ 15 большихъ книгъ, съ такимъ заглавіемъ: «Записки о старинныхъ службахъ Русскихъ благородныхъ родовъ. Извлечены и собраны изъ разрядныхъ, статейныхъ, степенныхъ, чиновныхъ, служебныхъ, лѣтописныхъ, нѣкоторыхъ родословныхъ и другихъ разныхъ Россійско-историческихъ книгъ». Это дѣйствительно драгоцѣнная рукопись, но пользоваться ею нужно съ осторожностію. Составитель, не имѣя предъ собою родословныхъ, путаетъ однородцевъ съ одинаковыми именами и отчествами. Такъ напримѣръ, въ родѣ Шереметевыхъ, извѣстны Петръ Васильевичь Большой и его двоюродный племянникъ Петръ Васильевичь Меньшой. Оба дѣйствовали совсѣмъ на разныхъ служебныхъ поприщахъ и рѣзко отличались другъ отъ друга характеромъ. Но Спиридовъ до такой степени перепуталъ ихъ, что, кажется, легче было бы добиться толку, если бы почтенный составитель въ подобныхъ случаяхъ, прямо писалъ службы обоихъ лицъ, подъ однимъ общимъ именемъ Петра Васильевича Шереметева, не раздѣляя его на Большого и Меньшого. Кромѣ того, Спиридовъ, дѣлая архивныя выписки о службахъ, тутъ же переводилъ годы и нерѣдко ошибался въ вычисленіяхъ. Во всякомъ случаѣ, было бы лучше оставить лѣтосчисленіе подлинника, какъ это дѣлалъ осторожный Миллеръ. Можно также пожалѣть о томъ, что Спиридовъ, будучи начальникомъ Вотчинной коллегіи, бывшаго Помѣстнаго приказа, не пополнилъ своихъ Записокъ выписками о помѣстьяхъ и

вотчинахъ. Впрочемъ, мы должны быть безконечно благодарны Спиридову и за то, что̀ онъ сдѣлалъ.

Исключительно генеалогіею Русскихъ дворянскихъ родовъ занимался, во второй половинѣ XVIII столѣтія, игуменъ Ювеналій Воейковъ, который, удалившись, въ 1784 году, на покой въ Московскій Новоспасскій монастырь, выпустилъ цѣлый рядъ дворянскихъ родословій, которыя перечислимъ здѣсь по алфавиту фамилій: 1) «Поколѣнная роспись или родословіе князей Вадбольскихъ» (М. 1792); 2) «Историческое родословіе благородныхъ дворянъ Воейковыхъ» (М. 1792); 3) «Родословіе благородныхъ дворянъ Козаковыхъ» (М. 1792); 4) «Краткое историческое родословіе благородныхъ дворянъ Коробановыхъ» (М. 1795); 5) Историческое родословіе благородныхъ дворянъ Кропотовыхъ и Дуровыхъ» (М. 1792); 6) «Краткое историческое родословіе благородныхъ и знаменитыхъ дворянъ Лопухиныхъ» (М. 1796); 7) «Краткое историческое родословіе благородныхъ дворянъ Макаровыхъ» (М. 1795); 8) «Краткое историческое родословіе благородныхъ дворянъ Приклонскихъ» (М. 1795); 9) «Краткое историческое родословіе благородныхъ дворянъ Сабуровыхъ» (М. 1797); 10) «Историческое родословіе благородныхъ дворянъ Чичериныхъ» М. 1792) и 11) «Краткое описаніе о произшествіи знаменитаго рода Юрьевыхъ-Романовыхъ» (М. 1798) [1]).

Разумѣется, родословія Ювеналія Воейкова не безъ погрѣшностей хронологическихъ, недостаточно полны. Но для насъ важно уже одно то, что Ювеналій непосредственно пользовался семейными архивами тѣхъ лицъ, для которыхъ составлялъ родословія. При нѣкоторыхъ, напримѣръ, при родословіяхъ Коробановыхъ, Лопухиныхъ и друг., приложены: гербы, документы и письма.

Но г. Петровъ авторъ «Исторіи родовъ Русскаго дворян-

---

[1]) Сверхъ того, въ Словарѣ митрополита Евгенія показано, что Ювеналій Воейковъ напечаталъ еще родословія Булгаковыхъ и графовъ Шереметевыхъ, но годы изданія не выставлены. Мы никогда не видѣли этихъ родословій. Объ нихъ не зналъ и Сопиковъ.

ства», не щадитъ и сего почтеннаго инока, въ тиши монастырской келліи трудившагося по мѣрѣ силъ надъ дворянскими родословіями. Онъ сопричисляетъ его къ фабрикантамъ родословій и выставляетъ виновникомъ пропуска въ печать баснословій, сочиненныхъ какими-то ловкими авторами компиляторами, именно въ концѣ XVII вѣка, какъ разъ въ то время, когда въ Родословную палату приносили родословныя, которыя разбирались тамъ, какъ говорится, по косточкамъ. «Въ концѣ XVII вѣка, — говоритъ г. Петровъ все въ той же начальной статьѣ о значеніи Степенной книги,—баснословные авторы компиляторы, допуская всевозможныя искаженія прямыхъ и точныхъ показаній прошлаго, прибавляли своихъ нелѣпостей столько, что вполнѣ вѣроятное, со вводомъ ихъ, дѣлалось неузнаваемымъ и ни съ чѣмъ несогласимымъ. Сочинители же съ дней Екатерины II печатаемыхъ родословій, въ родѣ игумена Ювеналія Воейкова, закрѣпляли басни предшественниковъ печатнымъ словомъ, святымъ для невѣжественнаго люда, не отрицающаго кривыхъ толкованій, пересыпаемыхъ подлинными датами изъ документовъ и указаніями о представителяхъ рода за XVII вѣкъ. Присмотрѣвшись къ такой фабрикаціи печатныхъ *Родословій* (курсивъ автора) и къ сочиненію родословныхъ, подававшихся въ Разрядъ въ концѣ XVII вѣка»... и такъ далѣе (см. стр. 1, столб. 2).

Столько тяжкихъ обвиненій и ни одного реальнаго факта, ни одного имени! Кто же наконецъ эти авторы компиляторы, кто эти сочинители фальшивыхъ родословныхъ, подававшихся въ концѣ XVII вѣка въ Разрядъ? Пусть г. Петровъ назоветъ, для примѣра, по крайней мѣрѣ, одного. Неужели же онъ и въ-правду думаетъ, что въ Родословной палатѣ приняли бы фальшивую родословную и. что однородцы подписались бы подъ нею? Изъ вышеприведенныхъ нами примѣровъ дѣлопроизводства Родословной палаты ясно видно, съ какимъ тщаніемъ разсматривалась тамъ и провѣрялась каждая принесенная поколѣнная роспись, прежде чѣмъ попадала въ Родословную книгу.

Окончивъ перечень трудовъ по дворянской генеалогіи въ

XVIII столѣтіи, необходимо еще упомянуть о сочиненіи извѣстнаго литератора Тульскаго помѣщика Василья Алексѣевича Левшина, напечатанномъ въ Москвѣ, въ 1791 году, подъ заглавіемъ: «Родословная книга благородныхъ дворянъ Левшиныхъ, содержащая въ себѣ доказательства о происхожденіи ихъ фамиліи, времяни выѣзду въ Россію и поколѣнную роспись».

Въ первую четверть XIX столѣтія Русская историческая наука озарилась необычайнымъ свѣтомъ. Въ 1816 году, появилась знаменитая «Исторія Государства Россійскаго» Карамзина. Мы уже видѣли въ какомъ положеніи находилось дѣло княжескаго родословія до выхода въ свѣтъ сего безсмертнаго творенія. Карамзинскія росписи Русскихъ князей владѣтельныхъ, имѣвшихъ удѣлы (всего 9 таблицъ), положили княжескому родословію основаніе прочное и уничтожили запутанность въ общемъ. Но въ частностяхъ, какъ сознавалъ самъ Карамзинъ, онѣ были не совсѣмъ вѣрны и очень неполны. Карамзинъ вызывалъ даже родослова опытнаго для исправленія и дополненія своихъ росписей [1]) — и такой родословъ нашелся въ лицѣ Павла Михайловича Строева. Кромѣ исправленія и дополненія родословныхъ таблицъ, Строевъ, по приглашенію Карамзина, взялся также и за составленіе указателя или ключа къ его исторіи. О степени подготовки Строева можно судить по тому, что еще въ 1814 году, будучи студентомъ, онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе замѣчательною статьею, напечатанною въ «Сынѣ Отечества» Греча, подъ заглавіемъ: «О родословіи владѣтельныхъ Князей Русскихъ» [2]). Эта статья, — составлявшая отрывокъ изъ предварительнаго разсужденія къ сочиненной Строевымъ книги, оставшейся неизданною: «Историческій, генеалогическій словарь, показывающій рожденіе, бракосочетаніе, дѣянія и кончину Россійскихъ императоровъ, царей и великихъ и удѣльныхъ князей, ихъ

---

[1]) Николай Барсуковъ. Жизнь и труды П. М. Строева. Спб. 1878. стр. 483.

[2]) Эта статья воспроизведена въ книгѣ Николая Барсукова: Жизнь и труды П. М. Строева. Спб. 1878. стр. 5 и слѣд.

супругъ, дщерей и вообще всѣхъ владѣтельныхъ лицъ, о которыхъ исторія сохранила какія либо извѣстія», — даетъ ясное представленіе о критическомъ взглядѣ и пріемахъ будущаго родослова.

Строевъ окончилъ свой трудъ уже послѣ смерти Карамзина. Лишь въ 1836 году былъ напечатанъ его знаменитый «Ключь къ Исторіи государства Россійскаго», на который, дѣйствительно, можно смотрѣть, какъ на основаніе словарей историческаго, генеалогическаго и древне-географическаго, коихъ доселѣ недостаетъ въ нашей литературѣ. «Я понимаю, — писалъ Строеву по поводу выхода въ свѣтъ Ключа извѣстный археографъ Бередниковъ,—какъ трудно было, при составленіи Ключа, разобрать генеалогію бояръ; вы распутали славно этотъ клубокъ». А геніальный Пушкинъ, замѣтилъ, что Строевъ «издавъ свой Ключь оказалъ болѣе пользы Русской исторіи, нежели всѣ наши историки съ высшими взглядами, вмѣстѣ взятые... Г. Строевъ облегчилъ до невѣроятной степени изученіе Русской Исторіи» [1]).

Но по нашему предмету особенную важность имѣютъ приложенныя къ Ключу Строева пятнадцать самыхъ полныхъ и исправнѣйшихъ родословныхъ росписей, представляющихъ: 1) начало Родословія княжескаго, 2) князей Полоцкихъ, 3) князей Волынскихъ и Галицкихъ, 4) князей Западныхъ (мелкихъ) удѣловъ, 5) князей Черниговскихъ и ихъ вѣтви, 6) Князей Кіевскихъ рода Мономахова, 7) князей Рязанскихъ и Муромскихъ, 8) Князей рода Юрья Долгорукова, 9) Князей Смоленскихъ и ихъ вѣтви, 10) Князей Ростовскихъ, Углицкихъ и проч., 11) Князей Московскихъ отъ св. Александра Невскаго, 12) Князей Суздальскихъ, Нижегородскихъ и проч., 13) Князей Тверскихъ удѣловъ, 14) Князей (мелкихъ) Московскаго рода и 15) Потомство Димитрія Донскаго до пресѣченія рода Рюрикова. Въ эти таблицы вмѣщено всего 600 князей владѣтельныхъ, коихъ про-

---

[1]) Николай Барсуковъ. Жизнь и труды П. М. Строева. Спб. 1878. стр. 300.

исхожденіе одного отъ другаго несомнѣнно и очевидно. Князья же сомнительнаго происхожденія и невладѣтельные т. е. служилые, помѣстные, въ таблицы не попали.

Строевъ не опочилъ однако на лаврахъ успѣха своихъ превосходныхъ родословныхъ таблицъ. Онъ всегда помнилъ, что составилъ свои таблицы къ Исторіи Карамзина, чего тамъ нѣтъ, того не могло быть и въ таблицахъ, въ которыхъ, такимъ образомъ, нѣсколько княжескихъ лицъ пропущены были по неволѣ. Кромѣ того, вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ Ключа съ Родословными росписями, началась дѣятельность самимъ же Строевымъ основанной Археографической Коммиссіи, напечатавшей Полное Собраніе Рускихъ лѣтописей и множество разныхъ актовъ. Открылись новые источники, неизвѣстные Карамзину. Строевъ значительно испестрилъ свой экземпляръ Родословныхъ росписей Ключа поправками и дополненіями. Онъ намѣренъ былъ при составляемомъ имъ Указателѣ къ Полному Собранію Русскихъ лѣтописей приложить исправленныя и дополненныя Родословныя росписи, для чего собралъ громадный матеріалъ изъ лѣтописей рукописныхъ и Родословныхъ книгъ. Но, къ великому несчастію для науки, завѣтный коробъ Строева съ генеалогическими изслѣдованіями пропалъ въ Москвѣ, въ 1859 году, при переѣздѣ неутомимаго родослова изъ своего дома въ наемную квартиру [1]).

Съ разработкою Строевымъ княжескаго родословія значительно подвинулось и дѣло родословія дворянскаго.

Всегда помянется съ признательностію имя князя Петра Владиміровича Долгорукова, этого ревностнаго изыскателя и собирателя Русскихъ родословій. Изданная имъ въ четырехъ частяхъ «Россійская родословная книга» (Спб. 1854 — 57) уже сослужила свою службу, и — что бы ни говорилъ г. Петровъ о «недостаточности научной подготовки» князя Долгорукова (стр. 1, столб. 2), — еще надолго останется единственною, ничѣмъ не

[1]) Николай Барсуковъ. Жизнь и труды П. М. Строева. Спб. 1878. стр. 582.

замѣнимою справочною книгою для каждаго занимающагося родословіемъ. Необыкновенно простой, ясный составъ «Россійской родословной книги» князя Долгорукова, удобство пріисканія въ ней происхожденія каждаго лица по №№ отцовъ, точныя біографическія свѣдѣнія о выдающихся членахъ рода, хронологическія указанія, описанія гербовъ фамильныхъ, — все это исполнено точно, добросовѣстно и заставляетъ желать только того, чтобы преемники князя Долгорукова въ родословномъ дѣлѣ, не мудрствуя лукаво, продолжали его трудъ по той же самой системѣ, дополняли бы его и исправляли неизбѣжныя въ подобныхъ работахъ ошибки.

Начало важному труду князя Долгорукова положено было еще въ 1840 г., когда онъ издалъ въ 4-хъ книжкахъ свое первое генеалогическое сочиненіе «Россійскій Родословный сборникъ». Въ промежутокъ времени, отъ выхода въ свѣтъ этого сборника до изданія «Россійской родословной книги» (1840—1854), наша генеалогическая литература обогатилась нѣсколькими отдѣльными сочиненіями, которыя перечислимъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Въ 1840 же году князь П. В. Долгоруковъ издалъ свои «Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ». Это первый въ нашей литературѣ опытъ историческаго повѣствованія о родовитой фамиліи. Хотя Сказанія и изложены въ примитивной формѣ словаря, а біографическія данныя, сообщаемыя авторомъ, становятся любопытными лишь со второй половины прошлаго вѣка, тѣмъ не менѣе трудъ сей важенъ, какъ примѣръ, достойный подражанія. Съ этой точки зрѣнія посмотрѣла на книгу Долгорукова и современная ученая критика въ лицѣ Погодина, который писалъ: «Честь и слава и благодарность князю П. В. Долгорукову за прекрасный примѣръ, который онъ подаетъ всѣмъ княжескимъ и дворянскимъ фамиліямъ. Если онъ найдетъ подражателей, то средняя наша исторія освѣтится гораздо болѣе, а новая получитъ богатые матеріалы для потомства»[1]).

---

[1]) Москвитянинъ. 1841 г. № 2.

Въ то же самое время очень много занимался генеалогическими изслѣдованіями сенаторъ Константинъ Матвѣевичъ Бороздинъ. Онъ собралъ значительный матеріалъ по родословіямъ какъ Русскихъ князей, такъ и дворянскихъ фамилій. Въ 1841 году, Бороздинъ началъ печатать свои родословія дворянскихъ фамилій и издалъ всего въ 40 экземплярахъ девять книжекъ, помѣстивъ въ каждой по одной фамиліи. Такимъ образомъ изданы были родословія: 1) дворянъ и графовъ Апраксиныхъ, съ приложеніемъ очень любопытнаго духовнаго завѣщанія генералъ-адмирала Ѳедора Матвѣевича Апраксина; 2) Арсеньевыхъ; 3) дворянъ и графовъ Бенкендорфовъ; 4) Дивовыхъ; 5) графовъ Ефимовскихъ; 6) Измайловыхъ; 7) дворянъ и графовъ Матюшкиныхъ; 8) Нащокиныхъ; и 9) графовъ Скавронскихъ. Каждая книжка имѣетъ свое заглавіе: «Опытъ историческаго родословія» (такихъ-то). Это были дѣйствительно лишь опыты, которыми Бороздинъ надѣялся вызвать присылку изъ семейныхъ архивовъ свѣдѣній, недостававшихъ для полноты его родословій. Но въ этомъ отношеніи онъ не имѣлъ никакого успѣха. Во всякомъ случаѣ, занимающимся родословіемъ необходимо имѣть въ виду оставшіяся послѣ Бороздина рукописи, въ которыхъ много матеріаловъ, относящихся къ его генеалогическимъ трудамъ[1]).

Въ 1842 году напечатана была въ Одессѣ, въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, небольшая по объему, но замѣчательная по содержанію, книжка Николая Ивановича Надеждина, подъ заглавіемъ: «Родъ Княжевичей». Это сочиненіе можетъ служить примѣромъ того, на сколько полезно производить генеалогическія изслѣдованія объ извѣстной фамиліи на самомъ мѣстѣ ея родины, какъ это сдѣлалъ Надеждинъ, во время своего путешествія по южно-Славянскимъ землямъ, относительно коренного Сербскаго рода Княжевичей. Въ книжкѣ Надеждина

[1]) Труды Перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ. М. 1871. стр. 73. (Статья Д. В. Полѣнова).

находимъ много любопытнѣйшихъ свѣдѣній и о предкахъ Княжевичей, и объ ихъ прародинѣ.

Въ томъ же 1842 году, въ С.-Петербургѣ издано было краткое изслѣдованіе историка Николая Герасимовича Устрялова о Строгановыхъ, подъ заглавіемъ: «Именитые люди Строгановы». Устряловъ пользовался домовымъ архивомъ графини Софьи Владиміровны Строгановой, разсмотрѣвъ тамъ болѣе 20 подлинныхъ царскихъ жалованныхъ грамотъ и указовъ съ 1517 года по 1700, столько же раздѣльныхъ актовъ XVI и XVII столѣтій, нѣсколько сотныхъ и писцовыхъ книгъ и до 50 разнаго содержанія записей, купчихъ, дарственныхъ, уговорныхъ, памятныхъ. Собственно изслѣдованію о родѣ Строгановыхъ, составленному на основаніи указанныхъ актовъ «и другихъ достовѣрныхъ источниковъ», посвящено всего 26 страницъ, на остальныхъ 94 страницахъ помѣщена замѣчательная богатствомъ историческаго содержанія жалованная грамота именитому человѣку Григорью Дмитріевичу Строганову, 1692 года, о подтвержденіи правъ и преимуществъ, дарованныхъ роду его съ половины XVI вѣка до конца XVII-го. Послѣ грамоты слѣдуетъ поколѣнная роспись рода именитыхъ людей Строгановыхъ [1]).

Для возможной полноты нашего обозрѣнія упомянемъ и объ изданной въ 1844 году въ Москвѣ книжкѣ Дмитрія Тихомірова: «Историческія изслѣдованія о генеалогіи князей Рязанскихъ, Муромскихъ и Пронскихъ». Въ этомъ краткомъ изслѣдованіи не находится ничего примѣчательнаго по труднѣйшему вопросу о генеалогіи Рязанскихъ князей, вопросу, во многихъ случаяхъ, не совсѣмъ опредѣлительно рѣшенному самимъ Карамзинымъ. Приложенныя же росписи князей Рязанскихъ, Муромскихъ и Пронскихъ списаны съ Строевскихъ родословныхъ таблицъ.

Далѣе, въ порядкѣ хронологическомъ, слѣдуетъ родословіе

[1]) Важнымъ дополненіемъ къ изслѣдованію Устрялова служитъ статья его почтеннаго рецензента А. Ѳ. Бычкова, напеч. въ журналѣ «Маякъ».

старой дворянской фамиліи Головиныхъ. Оно составлено извѣстнымъ профессоромъ Московской Духовной Академіи Петромъ Симоновичемъ Казанскимъ и издано въ 1847 году, въ Москвѣ, при его книгѣ имѣющей слѣдующее заглавіе: «Село Новоспасское, Деденево тожъ и Родословная Головиныхъ, владѣльцевъ онаго». Авторъ воспользовался не только семейнымъ архивомъ Головиныхъ, но и мѣстными преданіями, что придаетъ особенный интересъ его книгѣ. Первая половина труда г. Казанскаго посвящена археологическому обозрѣнію села Новоспасскаго, столь богатаго церковными древностями, находящимися въ его приходскомъ храмѣ и ризницѣ. Въ послѣдней хранится, между прочимъ, древняя Головинская печать, на которой вырѣзано Избіеніе младенцевъ, а также много жалованныхъ грамотъ и древнихъ столбцевъ съ купчими, данными, рядными и другими записями, изъ коихъ нѣкоторымъ, по словамъ автора, «до 300 лѣтъ давности» [1]). Въ другой меньшей половинѣ книги г. Казанскаго помѣщенъ списокъ съ подлинной родословной росписи фамиліи Головиныхъ, составленной въ XVII вѣкѣ и принадлежавшей стольнику Матвѣю Алексѣевичу Головину († 1725). А затѣмъ, слѣдуетъ весьма обстоятельная и точная поколѣнная роспись фамиліи Головиныхъ, составленная г. Казанскимъ.

Одинъ изъ членовъ фамиліи Головиныхъ, именно Николай Гавриловичъ Головинъ, бывшій потомъ Московскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, оставилъ по себѣ память генеалогическимъ трудомъ, изданнымъ въ 1851 году, въ Москвѣ, подъ заглавіемъ: «Родословная роспись потомковъ великаго князя Рюрика». Хотя Строевъ и говоритъ, что эта Роспись «въ графахъ, съ ссылками и разными затѣями, тѣже пятнадцать Росписей

---

[1]) Павелъ Васильевичъ Головинъ († 1836) пожертвовалъ нѣсколько цѣнныхъ рукописей Головинскаго собранія въ библіотеку Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и, между прочимъ, Разрядную книгу, писанную во времена Грознаго. Она начинаестя 1476 г. и оканчивается 1566-мъ.

Ключа, приведенныя въ запутанность, вмѣсто обработки» [1]), но приговоръ этотъ чрезмѣрно строгъ. Роспись Головина вмѣстила въ себѣ болѣе тысячи лицъ мужскаго пола и нѣсколько сотъ женскаго пола. Уже въ этомъ разница отъ Строевскихъ Росписей. Правда, у Головина вошли въ счетъ и князья, потерявшіе удѣлы и поступившіе въ число бояръ Московскихъ; они показаны безъ своихъ побочныхъ отраслей до 23 колѣна или до окончанія владычества дома Рюрикова. Но развѣ это не можетъ пригодиться для справокъ? Да и расположеніе князей въ графахъ съ своими №№ и съ №№ отцовъ представляетъ большія удобства для справокъ, которыя къ тому же значительно облегчены и приложеннымъ въ концѣ книги Алфавитнымъ указателемъ [2]).

Въ 1851-же году извѣстный Галицкій ученый Денисъ Ивановичь Зубрицкій составилъ для Галицкихъ училищъ полную родословную карту всѣхъ князей Рюрикова поколѣнія. Самъ авторъ о трудѣ своемъ, въ письмѣ къ Погодину, изъ Львова, отъ 13 іюня 1851 года, говоритъ слѣдующее: «Основываясь на 15 Строевыхъ Росписяхъ и перебравъ нѣсколько разъ всѣ лѣтописи, коими владѣю, и открывъ нѣсколько десятковъ лицъ, незамѣченныхъ Строевымъ, успѣлъ я послѣ десятимѣсячнаго труда начертать сего рода генеалогическую картину, содержащую слишкомъ 670 лицъ, начиная отъ родоначальника Рюрика» [3]). Строевъ находилъ Родословную таблицу Зубрицкаго неудобною для употребленія, по ея громадности и неловкой установкѣ въ ней квадратовъ, находилъ также излишнимъ включеніе въ таблицу князей сомнительныхъ и потерявшихъ удѣлы, однако, въ концѣ концевъ, долженъ былъ отдать полную справедливость и должную похвалу «трудолюбію Зубрицкаго, его добросовѣстно-

---

[1]) Николай Барсуковъ. Жизнь и труды П. М. Строева. Спб. 1878. Стр. 484.

[2]) Н. Г. Головинъ написалъ еще «нѣсколько словъ о родѣ Греческихъ князей Комниныхъ». Книжка эта напечатана въ Москвѣ, въ 1854 году, въ небольшомъ числѣ экземпляровъ и безъ имени автора.

[3]) Письма къ М. П. Погодину изъ Славянскихъ земель. М. 1879. Стр. 585.

сти, тщательности и знанію дѣла, съ какими его таблица отработана, при всѣхъ ея недостаткахъ вольныхъ и невольныхъ» [1]).

Въ 1853 году, издана была въ Петербургѣ книга Евгенія Серчевскаго, съ такимъ заглавіемъ: «Записки о родѣ князей Голицыныхъ. Происхожденіе сего дома, развитіе поколѣній и отраслей его до 1853 года, біографіи и некрологіи мужей сей фамиліи, прославившихъ себя на службѣ престолу и отечеству, родословныя таблицы, древній и новый гербы сего дома». Многіе члены рода князей Голицыныхъ предоставили г. Серчевскому свои фамильныя бумаги и потому можно было бы надѣяться найти въ его книгѣ по крайней мѣрѣ точный біографическій и генеалогическій матеріалъ. Но надежда эта оказалась совершенно напрасною. Книга г. Серчевскаго, при весьма скудномъ содержаніи, издана неряшливо съ множествомъ ошибокъ въ хронологическихъ и генеалогическихъ показаніяхъ. Вмѣсто обѣщанныхъ въ заглавіи родословныхъ таблицъ, приложена всего одна такая таблица и то до раздѣленія рода на 4 линіи.

По близкому отношенію Генеалогіи къ Геральдикѣ, необходимо упомянуть также о напечатанномъ, въ 1855 году, сочиненіи Александра Лакіера «Русская Геральдика», въ двухъ книгахъ: въ 1-й изложена исторія гербовъ Западной Европы, исторія печатей въ Россіи, о государственномъ и городскихъ гербахъ; а 2-я книга посвящена исключительно исторіи Русскихъ дворянскихъ гербовъ. Въ сущности не было бы надобности распространяться объ этомъ почтенномъ трудѣ, потому что онъ слишкомъ извѣстенъ, какъ единственный въ своемъ родѣ. До Лакіера мы имѣли по Геральдикѣ вообще только двѣ книги и тѣ переводныя: Нестора Максимовича Амбодика «Символы и Эмблемы избранныя» (2 части. Спб. 1788 и 1811) и Глѣба Тимоѳеевича Мальгина «Начертаніе Гербовѣдѣнія» (Спб. 1805), переводъ извѣстнаго сочиненія Гаттерера. Г. Лакіеръ первый пошелъ

---

[1]) Родословная Зубрицкаго была напечатана въ [illegible]

противъ господствующаго мнѣнія о нашихъ гербахъ, представляемыхъ простымъ заимствованіемъ отъ Запада, и развиваетъ цѣлую теорію Отечественной Геральдики. Утверждаясь на аксіомѣ, что Западное дворянство, рыцарство, было дворянство исключительно феодальное, наше же — по преимуществу родовое, по собственности и пожалованію за службу, Лакіеръ дѣлаетъ законный выводъ, что «родовое начало, лежащее въ основѣ нашего дворянства, должно послужить исходнымъ пунктомъ и для Отечественной Геральдики».

Родовое начало, разумѣется, вполнѣ примѣнимо только къ гербамъ фамилій княжескихъ и дворянскихъ, происшедшихъ отъ удѣльныхъ князей, и нѣкоторыхъ выѣзжихъ родовъ. На этихъ-то гербахъ особенно ясно сказывается близкое отношеніе Геральдики къ Генеалогіи. Онѣ объясняютъ другъ друга, дополняютъ другъ друга. Лакіеръ даже приложилъ къ своему сочиненію полную родословную таблицу княжескихъ и дворянскихъ фамилій отъ Рюрика и Гедемина происшедшихъ, каждое поколѣніе особо, съ означеніемъ и угасшихъ родовъ. Таблица эта служитъ лучшимъ пособіемъ для уразумѣнія, почему каждою фамиліею усвоены извѣстныя эмблемы и почему родовая фигура заняла въ гербѣ именно такое мѣсто, а не иное. Съ другой стороны, всякій можетъ прочитать по гербу, къ какой отрасли князей принадлежитъ извѣстный родъ, гдѣ княжилъ его родоначальникъ. Во всякомъ случаѣ, книга г. Лакіера можетъ послужить надежнымъ руководствомъ не только для геральдика, но иногда и для родослова.

Сочиненіе Лакіера вышло почти одновременно съ «Россійской Родословной книгой» П. В. Долгорукова, о которой мы уже говорили выше.

Князь Долгоруковъ, въ четырехъ своихъ книгахъ, исчерпалъ почти весь находившійся въ его время въ обращеніи генеалогическій матеріалъ. Сама собою являлась потребность искать новыхъ источниковъ Русскаго родословія, болѣе тщательной провѣрки его и дополненія. Выразителемъ этой дѣйствительно на-

сущной потребности служитъ грандіозный планъ Ивана Петровича Сахарова, задумавшаго, въ 1857 году, новое изданіе Русскихъ родословныхъ книгъ, подъ заглавіемъ: «Русскія родословныя книги». По предположенію Сахарова, все изданіе должно было состоять изъ трехъ томовъ.

«Въ первомъ томѣ, — говоритъ Сахаровъ, — напечатается Бархатная книга. Здѣсь помѣстится буквально текстъ Бархатной книги 1687 года, содержащей въ себѣ родословіе великихъ князей, дворянъ, коренныхъ Русскихъ и пріѣзжихъ.

«Во второмъ томѣ напечатается текстъ древнихъ родословныхъ книгъ Русскаго дворянства до 1687 года. Для изданія этого тома взяты будутъ за основаніе три редакціи: первая, текстъ древній, сохранившійся отъ временъ царя Іоанна Васильевича 1564 года; вторая — текстъ временъ царя Ѳедора Іоанновича; третій—текстъ временъ царя Михаила Ѳеодоровича. Такимъ образомъ, въ этихъ трехъ редакціяхъ будутъ соединены всѣ роды древняго Русскаго родословнаго дворянства, и ихъ текстъ послужитъ дополненіемъ Бархатной книги. Текстъ этихъ редакцій будетъ напечатанъ по сохранившимся 24-мъ спискамъ.

«Въ третьемъ томѣ будетъ напечатанъ текстъ поколѣнныхъ росписей съ 1684 до 1690 года (то есть, тѣхъ, которыя представлены были въ Родословную палату)».

Сахаровъ заключаетъ, что «совокупнымъ изданіемъ текстовъ Бархатной книги, родословныхъ книгъ и поколѣнныхъ росписей приведутся въ извѣстность всѣ древніе Русскіе дворянскіе роды, существующіе и погасшіе. Такимъ образомъ, шестая родословная книга, учрежденная для древняго дворянства, получитъ настоящее свое значеніе, и прекратится вторженіе въ эту книгу новыхъ родовъ» [1]).

Къ сожалѣнію, проэктъ Сахарова остался неосуществленнымъ. А между тѣмъ, спеціальная разработка княжескихъ и дворянскихъ родословій шла своимъ чередомъ.

---

[1]) Русскій Архивъ. 1873 г., стр. 1014 и 1015.

Въ 1858 году вышло въ свѣтъ замѣчательное сочиненіе Дмитрія Ивановича Иловайскаго: «Исторія Рязанскаго Княжества». Особенное значеніе этой книги заключается въ томъ, что авторъ ея, будучи уроженцемъ Рязанской губерніи, самолично обошелъ и изъѣздилъ вдоль и поперегъ этотъ любопытный уголокъ нашего Отечества. Въ сочиненіи г. Иловайскаго генеалогія Рязанскихъ князей разъяснена на столько, на сколько только можно разъяснить это сбивчивое и запутанное мѣсто родословной Рюрикова дома. Приложенная къ книгѣ родословная князей Рязанскихъ, Муромскихъ и Пронскихъ наглядно показываетъ какъ много сдѣлано авторомъ по этому предмету. Въ «Объясненіи нѣкоторыхъ мѣстъ Родословной таблицы» (стр. 305—313) г. Иловайскій разбираетъ наиболѣе важные и вмѣстѣ наиболѣе запутанные генеалогическіе вопросы по родословію Рязанскихъ князей и весьма успѣшно рѣшаетъ ихъ на основаніи сохранившихся грамотъ, напечатанныхъ преимущественно въ изданіяхъ Археографической Коммиссіи и въ Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ, а также въ сборникѣ «Древнихъ грамотъ и актовъ Рязанскаго края» А. Н. Пискарева (Спб. 1854). Упомянутая статья «Объясненія нѣкоторыхъ мѣстъ Родословной таблицы» и самая таблица во всякомъ случаѣ представляютъ послѣднее слово науки касательно генеалогіи Рязанскихъ князей, этого камня преткновенія нашихъ родослововъ.

Далѣе слѣдуетъ упомянуть о генеалогическихъ изслѣдованіяхъ Петра Васильевича Хавскаго. Этотъ неутомимый труженикъ, занимавшійся главнымъ образомъ Хронологіею Русской исторіи, напечаталъ въ 1863 году, въ Москвѣ, свои «Генеалогическія изслѣдованія о родѣ Романовыхъ». Къ изслѣдованію приложена Сокращенная Родословная роспись Рюрикова дома, доведенная до августѣйшихъ дѣтей покойнаго императора Александра II. При каждомъ лицѣ означенъ годъ кончины. Въ росписи весьма наглядно изображено прямое происхожденіе Романовыхъ отъ Рюрика, по женской линіи, именно черезъ Суздальскую княжну Евдокію Александровну, вторую

супругу боярина Никиты Романовича Юрьева-Захарьина, дѣда царя Михаила Ѳедоровича. Но въ самомъ изслѣдованіи Хавскаго единственнымъ доказательствомъ такого происхожденія выставлена извѣстная надгробная надпись въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ о кончинѣ 7084 (1576) года октября 24-го дня «рабы Божіей Евдокіи, жены боярина Никиты Романовича Юрьева, дщери князя Александра Борисовича Горбатаго». Эта была вторая жена Никиты Романовича, какъ это прямо сказано въ «Описаніи царскихъ пресвѣтлыхъ прародителей», погребенныхъ въ Новоспасскомъ монастырѣ и составленномъ еще въ 1687 году[1]). Замѣтимъ, что по этому Описанію, Евдокія Александровна скончалась 7089 (1581) года апрѣля 4-го дня. Кому больше вѣрить: надписи ли, приведенной Хавскимъ, сдѣланной уже послѣ Французовъ, святотатственно разрывшихъ многіе гробы царской усыпальницы, или же вышеуказанному Описанію, напечатанному съ неисправнаго списка его, сохранившагося въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ? Въ виду этого обстоятельства, нѣкоторые даже сомнѣвались въ самомъ фактѣ двоебрачія Никиты Романовича. Такъ напримѣръ, въ 1858 году, П. М. Строевъ, на запросъ управлявшаго Гербовымъ Отдѣленіемъ Департамента Герольдіи Бориса Васильевича Кёне, о происхожденіи Романовыхъ отъ Рюрика по женской линіи, отвѣтилъ вопросомъ же: «На чемъ основано двоебрачіе Никиты Романова, какіе для сего имѣются у васъ данныя (источники, документы) и, если это не тайна, для чего необходима натяжка, чтобы Филаретъ Никитичь, личность сама по себѣ великая и до сихъ поръ необрисованная какъ должно, непремѣнно происходилъ отъ Рюрика, хотя бы по женской линіи»[2])? А историкъ Соловьевъ, съ свойственною ему осторожностью, обошелъ это дѣло молчаніемъ. Допустимъ, однако, что

---

[1]) Снегиревъ. Новоспасскій Ставропигіальный монастырь въ Москвѣ М. 1863. Дополнит. статьи, стр. XI.

[2]) Николай Барсуковъ. Жизнь и труды П. М. Строева. Спб. 1878. стр. 567.

Никита Романовичъ былъ женатъ два раза. Въ такомъ разѣ слѣдовало бы еще доказать, что Филаретъ Никитичъ родился именно отъ второго брака, а не отъ перваго съ Варварой Ивановной Ховриною. Но Хавскій этого не сдѣлалъ и смѣло занесъ въ свою роспись, какъ фактъ рѣшенный, что Филаретъ Никитичъ былъ сыномъ Суздальской княжны. Случай этотъ весьма характеренъ и показываетъ, какъ нужно осторожно пользоваться изслѣдованіями Хавскаго [1]).

Въ хронологическомъ порядкѣ слѣдуетъ теперь «Родословная книга рода Хитрово» (Спб. 1866), составленная извѣстнымъ нынѣ дѣятелемъ Православнаго Палестинскаго Общества Васильемъ Николаевичемъ Хитрово. Книга эта, посвященная авторомъ памяти своего достойнаго наставника Ивана Петровича Сахарова, составлена съ любовію къ предмету и знаніемъ дѣла. Она очень удобна для справокъ, благодаря Долгоруковской системѣ расположенія поколѣнной росписи и приложеннымъ алфавитамъ. Біографическая часть весьма обстоятельна и точна. Тоже самое можно сказать и относительно хронологическихъ указаній. Авторъ воспользовался не только всѣми извѣстными печатными матеріалами, но и фамильными документами, бумагами Сахарова и архивными источниками Румянцовскаго музея, Московскаго Архива Министерства Юстиціи, Департамента Герольдіи, Троице-Сергіевой Лавры, Свято-Троицкаго Перемышльскаго Лютикова монастыря и Московскаго Новодѣвичья монастыря. Весьма важныя для исторіи рода Хитрово архивныя выписки изданы авторомъ отдѣльною книжкою, подъ заглавіемъ: «Приложеніе къ Родословной книгѣ рода Хитрово» (Спб. 1867). Въ концѣ приложены, подъ рубрикою Дополненіе весьма существенныя поправки и дополненія Родословной книги, которыя необходимо

[1]) Въ 1865 году, Хавскій напечаталъ еще книжку подъ заглавіемъ: «Предки и потомство рода Романовыхъ». Приложена таже Родословная роспись, съ присовокупленіемъ Указателя или таблицы о порядкѣ княженія и царствованія Русскихъ государей.

имѣть въ виду, дабы преждевременно не упрекнуть автора въ неточности или неполнотѣ его изслѣдованія, напечатаннаго, къ сожалѣнію, въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Въ томъ же 1867 году, изданъ генеалогическій трудъ князя Николая Борисовича Юсупова: «О родѣ князей Юсуповыхъ, собраніе жизнеописаній ихъ, грамотъ и писемъ къ нимъ Россійскихъ государей, съ XVI до половины XIX вѣка, и другихъ фамильныхъ бумагъ, съ присовокупленіемъ поколѣнной росписи предковъ князей Юсуповыхъ съ XVI вѣка» (2 части. Спб. 1867). Вся 2-я часть книги князя Юсупова заключаетъ въ себѣ фамильные акты, между которыми особенный интересъ для родослова представляютъ: 1) списокъ съ полуистлѣвшаго столбца 1654 года съ родословіемъ князей Юсуповыхъ (стр. 3—5) и 2) поколѣнная роспись, за общимъ подписаніемъ князей Юсуповыхъ, поданная 19 мая 1686 года въ Родословную палату (с. 343—347). Въ первой части труда князя Юсупова помѣщены краткія жизнеописанія 14-ти главнѣйшихъ представителей рода, начиная съ извѣстнаго Тамерланова сподвижника Эдигея, предка Ногайскаго князя Юсуфа (родоначальника князей Юсуповыхъ). Къ этой части приложено и Родословіе князей Юсуповыхъ, въ формѣ родословнаго древа съ переплетающимися вѣтвями и отростками, унизанными кружками и квадратами.

Въ 1870 году, Григорій Александровичъ Милорадовичъ напечаталъ въ Кіевѣ свою брошюру «О родѣ дворянъ Полуботокъ», заключающую въ себѣ біографическія свѣдѣнія о наказномъ гетманѣ Павлѣ Полуботкѣ, родословную дворянъ Полуботокъ и нѣсколько актовъ, относящихся до рода Полуботокъ. Въ 1871 году, тотъ же Милорадовичъ издалъ въ Кіевѣ книжку подъ заглавіемъ: «О родѣ дворянъ и графа Милорадовичъ», съ біографическими очерками одиннадцати членовъ этой фамиліи, родословною и фамильными актами (до 70). Въ 1873 году, книжка эта была дословно перепечатана въ Петербургѣ, но подъ другимъ заглавіемъ: «Сказанія о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей». Перемѣна въ заглавіи объясняется тѣмъ, что въ томъ

году автору всемилостивѣйше дозволено было съ нисходящимъ потомствомъ носить графскій титулъ.

Въ томъ же 1873 году генеалогическая литература обогатилась весьма цѣннымъ пріобрѣтеніемъ: «Русскою родословною книгою», составленною извѣстнымъ знатокомъ Отечественной исторіи и генеалогіи княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ Лобановымъ-Ростовскимъ и изданною редакціею журнала «Русская Старина». Эта книга представляетъ давно желанное продолженіе, дополненіе и исправленіе «Россійской родословной книги» князя П. В. Долгорукова. Въ ней помѣщено до 170 родословій, или нигдѣ ненапечатанныхъ, или напечатанныхъ съ ошибками и пропусками. Почтенный составитель Русской родословной книги сдѣлалъ все, что только можно было сдѣлать для облегченія справокъ. Онъ принялъ самую удобную систему расположенія родословія, ту самую что и у князя Долгорукова, и постоянно даетъ хотя и краткія, но точныя, надежныя генеалогическія данныя. Въ книгѣ князя Лобанова-Ростовскаго особенно важны и полны родословія такихъ родовитыхъ княжескихъ фамилій, какъ Воротынскіе, Курбскіе, Лыковы, Острожскіе, Пожарскіе, Холмскіе и друг., а изъ дворянскихъ: Левшины, Нарышкины, Хитрово и друг. Обѣщанный редакціею «Русской Старины» второй томъ «Русской родословной книги» вышелъ въ 1875 году и заключаетъ въ себѣ 95 родословій. Къ великому огорченію всѣхъ интересующихся генеалогіей, до сихъ поръ не появляется продолженія полезнаго труда князя Лобанова-Ростовскаго [1]).

Перечень нашъ будетъ неполонъ если не укажемъ и на книгу графа Владиміра Петровича Орлова-Давыдова: «Біографическій очеркъ графа Владиміра Григорьевича Орлова» (Спб. 1878, два тома). Здѣсь помѣщено нѣсколько новыхъ свѣдѣній относительно родословія старинной дворянской фамиліи Орловыхъ, а также

---

[1]) Въ 1878 году, редакція «Русской Старины» начала было печатать третій томъ «Русской Родословной книги» родословіемъ Романовыхъ-Юрьевыхъ-Захарьиныхъ, но почему-то опять остановилась.

весьма много выписокъ изъ документовъ семейнаго Орловскаго архива.

Въ 1880 году, князь Николай Николаевичь Голицынъ издалъ въ Кіевѣ «Матеріалы для полной родословной росписи князей Голицыныхъ». Собиратель скромно назвалъ свою книгу «корректурнымъ изданіемъ» и напечаталъ ее въ числѣ 200 экземпляровъ, не предназначенныхъ для продажи. Въ сущности это весьма интересная и полезная справочная книга, представляющая сводъ накопленныхъ собирателемъ, въ теченіи 20 лѣтъ, генеалогическихъ матеріаловъ для предположенной подробной исторіи рода князей Голицыныхъ.

Въ 1880 году, вышелъ въ свѣтъ первый томъ обширной монографіи Александра Алексѣевича Васильчикова: «Семейство Разумовскихъ». Почтенный трудъ этотъ весьма пригодится и для генеалога, который въ приложеніяхъ къ книгѣ г. Васильчикова, заключающихъ въ себѣ громадный запасъ выписокъ изъ документовъ семейныхъ архивовъ Разумовскихъ, Галагановъ, графовъ Уваровыхъ, князей Репниныхъ и разныхъ государственныхъ архивовъ, найдетъ отвѣтъ и рѣшеніе по многимъ вопросамъ относительно родословій нашихъ дворянскихъ фамилій. До сихъ поръ вышло три тома сочиненія г. Васильчикова (послѣдній въ 1882 году) и совершенно понятно то нетерпѣніе, съ которымъ ожидается выходъ въ свѣтъ слѣдующаго тома.

Затѣмъ, въ 1881 году началось печатаніе исторіи «Рода Шереметевыхъ», предпринятой нами по предложенію графовъ Сергія Дмитріевича и Александра Дмитріевича Шереметевыхъ. До сихъ поръ вышло четыре книги (послѣдняя въ 1884 году). Согласно мысли графа С. Д. Шереметева, пожелавшаго достойнымъ образомъ почтить память своихъ предковъ, неустанно служившихъ Отечеству, начиная съ половины XIV вѣка, мы стараемся излагать исторію рода Шереметевыхъ въ связи съ тѣми событіями Русской исторіи, въ коихъ представители этого рода принимали непосредственное участіе. Какъ выполняется нами эта задача, пусть судятъ другіе.

Въ 1881-же году вышли въ свѣтъ слѣдующіе генеалогическіе труды:

«Родъ дворянъ Демидовыхъ», К. Д. Головщикова (Ярославль, 1881 г.). Это рядъ біографическихъ очерковъ членовъ фамиліи Демидовыхъ съ точнымъ указаніемъ подъ каждою статьею на источники. Къ книгѣ приложены: литографированная родословная таблица и указатель личныхъ именъ.

«Матеріалы для родословія дворянъ Леонтьевыхъ и Петрово-Соловыхъ», изданные Дмитріемъ Николаевичемъ Леонтьевымъ (Казань. 1881 г.). Къ этой брошюрѣ, на которую издатель проситъ смотрѣть, «какъ на корректуру», приложена Родословная таблица Леонтьевыхъ и Петрово-Соловыхъ, составленная на основаніи трехъ родословныхъ росписей, поданныхъ въ Разрядъ, въ концѣ XVII вѣка; изъ нихъ первыя двѣ поданы послѣ 1678 года, за общимъ подписаніемъ думнаго дворянина Ивана Юрьевича Леонтьева и стольника Василья Юрьевича Леонтьева, а третья — 23 мая 1686 года, стольникомъ Андреемъ Замятинымъ Леонтьевымъ. Всѣ три родословныя росписи цѣликомъ помѣщены въ концѣ брошюры, вмѣстѣ съ тремя жалованными царскими грамотами (1621, 1668 и 1669 гг.).

Въ 1882 году, въ Казани изданы были собранные профессоромъ Казанскаго университета Н. П. Загоскинымъ «Матеріалы историческіе и юридическіе района Приказа Казанскаго дворца» (Томъ I. Архивъ князя В. И. Баюшева). Въ этомъ сборникѣ помѣщено 219 актовъ семейнаго архива князя Баюшева, съ 1613 по 1723 г. Они касаются главнымъ образомъ фамилій: Патрекѣевыхъ, Воронцовыхъ, Неклюдовыхъ, князей Баюшевыхъ, Кологривовыхъ и Малаховыхъ. Родословныя росписи этихъ шести родовъ, составленныя на основаніи означенныхъ актовъ, приложены въ концѣ сборника.

Укажемъ также на Родословную князей Ростовскихъ, составленную Ѳедоромъ Аѳанасьевичемъ Бычковымъ, и приложенную къ весьма полезной книгѣ Ростовскаго археолога Андрея Александровича Титова «Ростовскій уѣздъ, Ярославской гу-

берніи» (М. 1885). Эта родословная, по объясненію составителя, есть сводъ изъ имѣвшихся у него подъ рукою родословныхъ списковъ, съ означеніемъ представляемыхъ ими варіантовъ и съ указаніями на источники, какъ печатные, такъ и рукописные. Особенно заинтересуютъ генеалога впервые составленныя г. Бычковымъ родословія князей Буйносовыхъ и Бахтеяровыхъ-Ростовскихъ, а также князей Бычковыхъ-Ростовскихъ. Послѣдніе, по объясненію составителя, въ концѣ XVI вѣка утратили княжескій титулъ и съ тѣхъ поръ до нашихъ дней пишутся просто Бычковыми.

Въ началѣ минувшаго года появился трудъ Андрея Никитича Всеволожскаго: «Родъ Всеволожскихъ» (Симферополь. 1886), съ подробною родословною росписью Всеволожскихъ. Какъ слышно, это есть лишь подготовительная работа къ полной исторіи знаменитаго княжескаго рода Всеволожей. Въ книгѣ встрѣчаемъ существенныя поправки и дополненія къ извѣстнымъ уже даннымъ относительно родословія Всеволожскихъ. Большую цѣну имѣютъ и приложенные къ книгѣ фамильные акты.

Въ самое послѣднее время, уже по выходѣ въ свѣтъ книги г. Петрова, поступилъ въ обращеніе первый томъ «Родословнаго Сборника Русскихъ дворянскихъ фамилій», составленнаго В. В. Руммелемъ и В. В. Голубцовымъ (Спб. 1886).

Кромѣ поименованныхъ генеалогическихъ сочиненій, вышедшихъ отдѣльными книгами и брошюрами, въ разное время напечатаны въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ генеалогическіе очерки, свѣдѣнія и замѣтки о слѣдующихъ княжескихъ и дворянскихъ фамиліяхъ: Агѣевы (Донскія Войсков. Вѣдомости, 1864, № 23) [1]), Андреевы, Апостолы (Русскій Архивъ, 1875), Апраксины, Архаровы, Базилевскіе (Рус. Арх. 1875, I), Бакуринскіе (Записки Черниговск. губернск. Статистическ.

---

[1]) Для сокращенія мы указываемъ гдѣ напечатаны генеалогическія свѣдѣнія только при тѣхъ фамиліяхъ, которыя не попали въ «Опытъ библіографическаго указателя печатныхъ матеріаловъ для генеалогіи Русскаго дворянства» (Спб. 1885) Ѳ. А. Бычкова.

Комитета 1868, кн. 2), Балкъ-Полевы, князья Баратаевы, Багашовы, Бахметевы (Русск. Старина 1873 г. т. 7, № 2), Безбородки (Русск. Арх. 1875, I), Бекетовы, Бестужевы, Бироны, Бобыри, (Записки Черниговск. губернск. Статист. Комитета 1868 г. кн. 2), Богуши (тамъ-же), Болоховскіе князья (Труды 3-го Археолог. Съѣзда, т. II. Кіевъ. 1878, стр. 96 и слѣд.), Борисовы, Бороздины, Борозды (Записки Черниговск. губернск. Статист. Комитета 1868 г. кн. 2), Бороховичи (Рус. Арх. 1875, I), Борсуки (Записки Черниг. губернск. Статист. Комитета 1868 г., кн. 2), князья Борятинскіе, Бошняки, фонъ-Брадке, Бугаевскіе (Записки Черниговск. губ. Стат. Комитета 1868, кн. 2), Булатовы, Бутовичи (Записки Черниг. губ. Ст. Комит. 1868, кн. 2), Бутурлины, Бычковы, князья Бѣлозерскіе, Валькевичи (Записки Черниг. губ. Ст. Ком. 1868, кн. 2), Вельяминовы, Веселовскіе, Фонъ-Визины, князья Вишневецкіе-Корибутъ, князья Волконскіе, Галаганы, Гамалѣи (Рус. Арх. 1875, I), князья Гантимуровы, Герцыки, князья Глинскіе, Гоголи-Яновскіе (Рус. Арх. 1875, I), Голохвастовы, Горленки (Рус. Арх. 1875, II), Горскіе, Грабянки (Рус. Арх. 1875, II), Грибоѣдовы, Грохольскіе, Демидовы, Деспоты-Зеновичи, Дмитрашки-Раичи (Рус. Арх. 1875 II), Дмитріевы, князья Друцкіе-Горскіе[1]) Житовы, Жученки-Жуковскіе (Рус. Арх. 1875, II), Заблоцкіе, Забѣлы, князья Звенигородскіе, Зиновьевы, Зубовы, Иваненки (Рус. Ар. 1875, III), Ивановы, Иванчины-Писаревы, Искры (Рус. Арх. 1875, III), графы Каменскіе, Капнисты, (Рус. Арх. 1876, III), Карамзины, Касимовскіе царевичи, Кашинскіе удѣльные князья (Чт. Моск. Общ. Истор. и Древн. Рос. 1873 г. № 4), Кашинцовы, Каш-

---

[1]) Родословіе князей Друцкихъ-Горскихъ напечатано было въ 1824 году отдѣльною книжкою, подъ заглавіемъ: «Родословная потомковъ князя Рюрика, князей Друцкихъ-Горскихъ, графовъ на Мыжи и Преславлю съ 806 г., составленная изъ историческихъ преданій, авторовъ Польскихъ, Нѣмецкихъ и Россійскихъ и изъ законныхъ документовъ».

кины, Кежгайлы, Колединскіе, князья Коркодиновы, Корсаки, Кочубеи (Русск. Архивъ 1876, III), Краснощековы (Донскія Войсковыя Вѣдомости 1864 г. № 23), князья Курбскіе, Лазаревы, Лермонтовы, Лизогубы, Маевскіе, Марины, графы Матвѣевы, Мёрдеръ, Мертваго, Миклашевскіе, князья Моложскіе, Московскіе удѣльные князья, князья Мстиславскіе, Нарышкины, Нелединскіе-Милецкіе, Ознобишины, князья Олельковичи, князья Острожскіе, Отрепьевы (Нелидовы), Пальчиковы, Пекарскіе, князья Пожарскіе, Полевы, Порошины, Протасовы, Пушкины, Рибопьеръ, Родіоновы, бароны Розены [1]) Романовы, князья Ружинскіе, Салтыковы, Самарины, князья Святополкъ-Четвертинскіе, Свѣчки, Скобелевы, Скоропадскіе, Строгановы, Стрѣшневы, Суворовы, Сулима, Тверскіе князья, Тевкелевы, Толстые, Тучковы, графы Уваровы, Ушаковы, Хоростовецкіе, Хрущовы, Ченыкаевы, Черниговскіе князья, Чернышевы, князья Шаховскіе-Глѣбовы-Стрѣшневы, Шепелевы, Шиповы, Юшковы, Языковы, Ярославскіе князья, князья Ѳоминскіе (Журн. Минист. Народн. Просвѣщ. 1872 г. сентябрь).

Не ручаемся за безусловную полноту нашего перечня, но и и то, что̀ вошло въ него, служитъ доказательствомъ, что Русская генеалогическая литература не такъ уже бѣдна и началась далеко не со вчерашняго дня.

Теперь, опираясь на исчисленные труды нашихъ генеалоговъ и пользуясь при случаѣ источниками Русскаго родословія, приступимъ къ обсужденію правильности родословныхъ списковъ и гербовъ, помѣщенныхъ въ вышедшемъ первомъ томѣ изслѣдованія г. Петрова «Исторія родовъ Русскаго дворянства».

---

[1]) Ихъ родословіе напечатано также отдѣльною книжкою: «Очеркъ фамильной исторіи бароновъ фонъ-Розенъ». Спб. 1876.

III.

Мы не будемъ объяснять плана и объема труда г. Петрова. Это было бы преждевременно, потому что предъ нами лишь I-й томъ «Исторіи родовъ Русскаго дворянства» и авторъ ничего не говоритъ, сколько такихъ томовъ будетъ еще впереди и каково ихъ содержаніе. Замѣтимъ только, что вышедшій томъ (400 страницъ, въ два столбца, убористаго шрифта) раздѣленъ на 4 части съ множествомъ подраздѣленій. Въ I-й части (160 страницъ) помѣщенъ Рюриковъ родъ (князья природные и отъ нихъ происшедшіе дворяне), всего 139 родовъ; во 2-й части (стр. 161—225)—Знать инородческая въ Россіи, всего 49 родовъ; въ 3-й части—Дворянство отъ монарховъ Всероссійскихъ жалованное титулами князей и графовъ (стр. 227—320), всего 58 родовъ и въ 4 й части (стр. 321 — 400) — Русское дворянство нетитулованное, только 45 родовъ.

Два рода поставлены г. Петровымъ опричь прочихъ, внѣ дѣленій, это Романовы, по уваженію къ царствующей династіи, и князья Пожарскіе, потому что «изъ ихъ рода происходилъ спа«ситель отечества въ годину самозванцевъ — князь Дмитрій Ми«хаиловичь Пожарскій, не принявшій предлагавшагося ему Рус«скаго престола» (стр. 16). Подобный пріемъ, съ перваго раза, можетъ показаться страннымъ, но слѣдуетъ помнить, что г. Петровъ пишетъ *Исторію* родовъ Русскаго дворянства, а не *Родословную* книгу. Такой порядокъ нуженъ автору для той основной мысли, которую онъ желаетъ провести въ своемъ трудѣ.

Начнемъ свое дѣло разсмотрѣніемъ родословныхъ росписей двухъ указанныхъ, особо выдѣленныхъ родовъ.

До сихъ поръ держится у насъ вѣковое преданіе, что родоначальникъ Романовыхъ, «мужъ честенъ» Андрей Кобыла (передѣланное на Русскій ладъ иностранное прозваніе *Cabilo*), былъ выходецъ изъ чужихъ земель или «изъ Нѣмецъ», какъ говорили у насъ въ старину. На вопросъ о научномъ значеніи подобной

легенды, разумѣется, правильнѣе всего отвѣтить словами Ломоносова: «Вѣроятности отрещись не могу; достовѣрности не вижу»[1]). Если, за неимѣніемъ никакихъ положительныхъ данныхъ, недозволительно слѣпо довѣряться легендѣ, то несправедливо и отвергать ее безусловно, якобы выдумку невѣждъ. Но еще несправедливѣе, еще рискованнѣе ставить взамѣнъ отвергаемой легенды, освященной вѣками, свою собственную легенду, свой собственный вымыслъ, какъ это дѣлаетъ г. Петровъ относительно родоначальника Романовыхъ.

Ратуя противъ какихъ-то неизвѣстныхъ лицъ, будто бы «желавшихъ во что бы ни стало, навязать роду Романовыхъ не-Русское происхожденіе» (стр. 7), г. Петровъ силится установить, что Андрей Кобыла, упоминаемый въ нашей лѣтописи подъ 1347 годомъ[2]), былъ прямой потомокъ извѣстнаго Кіевскаго тіуна, Новгородца Ратши, упоминаемаго въ лѣтописи подъ 1146 годомъ[3]). Съ удивленіемъ узнаемъ отъ г. Петрова, что этотъ Ратша, тіунъ Кіевскій, упоминаемый въ лѣтописи подъ *1146* годомъ, есть тотъ самый «мужъ честенъ, именемъ Ратша», который «во дни благовѣрнаго князя Александра Ярославича Невскаго (княжившаго съ *1252* по *1263* г.), пріиде изъ Нѣмецъ». Разница выходитъ болѣе чѣмъ во сто лѣтъ! И въ чемъ же тутъ дѣло: значитъ, Романовы все-таки происходятъ «изъ Нѣмецъ»?.... Въ Родословцѣ XVI вѣка[4]), изъ котораго только-что приведена цитата, вѣдь прямо говорится о природѣ Ратши и о времени его выѣзда въ Россію. Но г. Петровъ говоритъ, что это «родословное сказаніе съ очевидными, позднѣйшими «выдумками невѣждъ, неимѣвшихъ понятія о возможности по«вѣрки родословныхъ показаній хронологіею» (стр. 7), и что ука-

[1]) Полное собраніе сочиненій Михаила Васильевича Ломоносова. Изд. 2. Спб. 1794. Ч. V, стр. 142.

[2]) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. VII. Спб. 1856, стр. 210.

[3]) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. II, изд. 2, Спб. 1871. (Лѣтопись по Ипатскому списку). Стр. 229.

[4]) Напечатанъ во Временникѣ императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ. Ч. 10. М. 1851. Матеріалы, стр. 102.

занный въ немъ Ратша есть именно тотъ Новгородецъ Ратша, который въ 1146 году былъ Кіевскимъ тіуномъ.

Почему же не другой Ратша, тоже Новгородецъ, который по лѣтописному свидѣтельству, въ 1268 году былъ убитъ въ Великомъ Новгородѣ мятежниками[1]). Этотъ по времени уже совсѣмъ подходитъ къ Ратшѣ, упоминаемому въ Родословцѣ? Нѣтъ, г. Петрову, для желаннаго вывода, непремѣнно нуженъ именно тотъ, дальній Ратша съ 1146 годомъ. Что за важность, что въ Родословцѣ указывается на время княженія св. Александра Невскаго! Вѣдь это выдумка невѣждъ.... Подставивъ своего Ратшу, г. Петровъ выписываетъ изъ того самого родословнаго сказанія, что у Ратши сынъ Якунъ, а у Якуна сынъ Алекса, а у Алексы сынъ Гаврило; а Гавриловы дѣти: Иванъ Морхиня, да Акинфъ Великой.... А у Акинфа дѣти: Иванъ да Ѳедоръ бездѣтенъ; а у Ивана дѣти: Андрей».... Вотъ этотъ Андрей Ивановъ сынъ, внукъ Акинфа Великаго, и представляется г. Петрову лицомъ тождественнымъ съ Андреемъ Ивановичемъ Кобылою, родоначальникомъ Романовыхъ. Дѣйствительно, въ общемъ вышло какъ будто бы и удачно. Г. Петровъ заручился двумя хронологическими данными, двумя опорными пунктами: 1146 годъ—упоминаніе въ лѣтописи о Кіевскомъ тіунѣ Ратшѣ и 1347 годъ—упоминаніе въ лѣтописи объ Андреѣ Кобылѣ. Полученный промежутокъ времени въ 201 годъ соотвѣтствуетъ счету семи выведенныхъ поколѣній, полагая на каждое по 30 лѣтъ. Въ частностяхъ же выходитъ великая путаница. Сынъ Ратши—Якунъ, но это, по объясненію г. Петрова, его народное прозваніе, настоящее же его имя Михаилъ, а отчество—Степанковичь. Какъ Степанковичь, вѣдь это же сынъ Ратши? Но, по словамъ г. Петрова, и Ратша тоже народное прозваніе, а настоящее имя ему Стефанъ.... Откуда взяты эти свѣдѣнія о двойныхъ именахъ Ратши и Якуна, не знаемъ. Далѣе, Алекса (въ монаш. св. Варлаамъ Хутынскій), въ приложенной

[1]) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. III. Спб. 1841, стр. 60.

г. Петровымъ родословной таблицѣ (стр. 8) поставленъ, согласно родословному сказанію, внукомъ Ратши, а выше въ текстѣ (стр. 7) говорится, что этотъ Алекса былъ братъ упомянутаго Михаила Степанковича, слѣдовательно, не внукъ, а тоже сынъ Ратши. Значитъ, до Андрея Кобылы уже не семь, а шесть поколѣній?.... Преподобный Варлаамъ Хутынскій (Алекса), какъ положительно извѣстно, скончался 6-го ноября 6701 (1193) года)[1]). Но г. Петровъ почему-то гадаетъ о времени его кончины: умеръ-де или въ 1215, или въ 1243 году (?).... Наконецъ, самое главное, развѣ можно поручиться за то, что отца Андрея Кобылы звали именно Иваномъ. Въ нѣкоторыхъ древнихъ родословныхъ спискахъ мы встрѣчали Андрея Кобылу съ отчествомъ Михайловичь, какъ напримѣръ, въ извѣстной «Книгѣ о древностяхъ Россійскаго государства»[2]). Какъ же тутъ быть, если это отчество окажется вѣрнѣйшимъ? Вѣдь неловко будетъ опять говорить, что отца Андрея Кобылы, хотя и звали Михайломъ, но въ сущности онъ былъ Иванъ.... Нѣтъ! не тревожьте напрасно праха вѣковой легенды; не относитесь къ ней надменно. По вѣщему слову поэта,

она.... «обломокъ
Давней правды. Храмъ упалъ
А руинъ его — потомокъ
Языка не разгадалъ».

И въ пору ли предпринимать анализъ легендъ, когда мы не можемъ еще справиться съ матеріаломъ достовѣрнымъ, неподлежащимъ ни малѣйшему спору и сомнѣнію. Напримѣръ, правнука Андрея Кобылы, Захарія Ивановича Кошкина, г. Петровъ называетъ бояриномъ великаго князя Ивана III, при чемъ выставилъ въ скобкахъ 1493 годъ (стр. 8, столб. 2). А между тѣмъ, Захарій Ивановичъ былъ бояриномъ вел. кн. Василья Васильевича Темнаго и умеръ раньше его, потому что въ спискѣ

[1]) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. IV. Спб. 1848, стр. 17.
[2]) Рукопись Патріаршей Библіотеки. № 965, л. 364 на об.

бояръ 1462 года (годъ кончины Василья Темнаго и вступленія на престолъ Ивана III), Захарія Ивановича уже нѣтъ [1]). А что онъ жилъ и дѣйствовалъ въ княженіе Василія Темнаго, на это имѣемъ прямое указаніе въ лѣтописи: «Въ лѣто 6941 (1433). Князь великій Василей Васильевичь женился на Москвѣ.... и на той свадбѣ Захарья Ивановичь Кошкинъ имался за поясъ у князя у Василья у Юрьевича у Косого» [2]).

Жена окольничаго Романа Юрьевича Захарьина (мать царицы Анастасіи Романовны) названа у г. Петрова Ульяной Ивановной (стр. 9, столб. 1), тогда какъ она была Ульяна Ѳедоровна, что̀ видно изъ слѣдующаго мѣста Житія Преподобнаго Геннадія Костромскаго: «Случися святому пріити въ Москву, и пріятъ былъ честно отъ болярыни Іуліанціи Ѳедоровны, жены Романа Юрьевича, благословенія ради чадъ ея Даніила и Никиты и дщери ея Анастасіи Романовны» [3]). Приводимъ это мѣсто и для того, чтобы оправдать свое сомнѣніе относительно предположенія г. Петрова, что Никита Романовичь (отецъ патріарха Филарета) и Анастасія Романовна (супруга Грознаго) были отъ разныхъ матерей.

Долматъ Романовичь, второй сынъ Романа Юрьевича Захарьина, умеръ не въ 1543 году, какъ показываетъ г. Петровъ, а въ 1545-мъ [4]).

По словамъ г. Петрова, вышеупомянутый Никита Романовичь умеръ 23-го апрѣля 1585 года [5]), «имѣя отъ роду лѣтъ семьдесятъ слишкомъ» (стр. 9, столб. 1), а началъ-де службу въ 1524 году. Но гдѣ показана эта служба и какую службу можно было получить, имѣя 8— 9 лѣтъ отъ роду?

---

[1]) Послужной списокъ старинныхъ бояръ.... съ 6970 (1462) по 7184 (1676) годъ. (Древняя Россійская вивліоѳика. Изд. 2. Ч. XX. М. 1791).

[2]) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. V. Спб. 1851, стр. 264.

[3]) Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. VI. Изд. 2. Спб. 1860, примѣч. 23.

[4]) Описаніе царскихъ пресвѣтлыхъ прародителей, въ которыя лѣта и мѣсяцы и числа бысть преселеніе ихъ отъ здѣшняго благороднаго житія.... (Снегиревъ. Новоспасскій ставропигіальный монастырь въ Москвѣ. М. 1863. Дополнительныя статьи, стр. IX).

[5]) Онъ умеръ въ 1586 году. Тамъ же, стр. XI.

Никита Романовичъ пожалованъ былъ въ окольничіе не въ 1549 году, какъ показываетъ г. Петровъ, а въ 1559 году [1]).

Далѣе г. Петровъ говоритъ: «Мы знаемъ только одну жену Ѳедора (Филарета) Никитича — княжну Ксенію Ивановну Шестунову» (стр. 9, столб. 2). Никогда и не возникало сомнѣнія, что Филаретъ Никитичъ Романовъ былъ женатъ только одинъ разъ, но жена его Ксенія (Марѳа) Ивановна, мать царя Михаила Ѳедоровича, была не княжна Шестунова, а дочь Костромского дворянина Ивана Васильевича Шестова, какъ въ томъ удостовѣряетъ слѣдующая запись во Вкладной книгѣ Московскаго Новоспасскаго монастыря, заведенной въ 1659 году: «Въ 1631 году генваря 6-го дня, государыня великая старица інока Марѳа Ивановна пожаловала въ Домъ ко Всемилостивому Спасу, въ Костромскомъ уѣздѣ, въ Шачебольскомъ стану, на рѣкѣ на Шачѣ, старинную свою вотчину, дѣда своего Василья Михайловича Шестова и отца своего Ивана Васильевича, село Домнино съ деревнями» (такими-то) [2]).

Казалось бы, нечего уже и спорить въ виду этого неопровержимаго документа. Но г. Петровъ настаиваетъ на своемъ. Онъ находитъ невозможнымъ, чтобы дочь полковаго головы, незнатнаго дворянина Шестова, была посватана за родовитаго боярина, родственника царя. «Незнатность при Грозномъ представителя Шестовыхъ — объясняетъ г. Петровъ — одинъ изъ «аргументовъ, говорящихъ противъ допущенія союза съ дочерью «полковаго головы — двоюроднаго брата государя, когда родъ «князей Шестуновыхъ, на который указываютъ издавна, какъ на «родственный по матери царю Михаилу описыватели усыпальницы «Романовыхъ въ Новоспасскомъ монастырѣ [3]), конечно, состав-

---

[1]) Древняя Россійская вивліоѳика. Изд. 2. Ч. XX. М. 1791, стр. 43.

[2]) Краткое историческое описаніе Московскаго ставропигіальнаго Новоспасскаго монастыря. М. 1802, стр. 75. — Амвросій. Исторія Россійской іерархіи. Ч. II. М. 1810, стр. 290.

[3]) Никакіе «описыватели» не указывали на князей Шестуновыхъ, какъ на родственниковъ по матери царю Михаилу. Говорится только, что они находились въ родственныхъ связяхъ съ царствующимъ домомъ и это совер-

«ялъ болѣе приличную партію.... Неаристократическую же «родню въ семьи свои не принимала старинная Московская ари«стократія, въ XVI вѣкѣ еще болѣе надменная, чѣмъ послѣ» (стр. 88, столб. 2).

Остается думать, что вышеприведенная запись Вкладной книги Новоспасскаго монастыря вовсе неизвѣстна г. Петрову. Иначе, о чемъ толковать, когда имѣется достовѣрное извѣстіе, что отецъ Мараы Ивановны былъ именно Иванъ Васильевичъ Шестовъ, а не князь Шестуновъ.

Г. Петровъ, не задаваясь обязанностію излагать родословныя росписи въ обычной формѣ, т. е. по колѣнамъ и съ нумерами, представляетъ родословіе Романовыхъ, какъ и прочихъ родовъ, въ видѣ перезсказа своими словами всего того, что помѣщено въ поколѣнныхъ росписяхъ другихъ родослововъ. О сравнительномъ удобствѣ этихъ двухъ порядкокъ предоставляемъ судить тѣмъ, кому приходится обращаться къ подобнымъ книгамъ. Г. Петровъ, конечно, можетъ возразить, что онъ пишетъ не Родословную книгу, а Исторію родовъ. Но отъ этого объясненія нисколько не легче читателю и справщику Если вся книга, за исключеніемъ 20—30 страницъ, содержитъ въ себѣ только родословныя росписи, то эти росписи должны быть не только точны, полны, но и удобны для пользованія. Ради *разсказа*, г. Петровъ прибѣгаетъ даже къ произвольнымъ перестановкамъ въ родословной. Напримѣръ, Долмата Романовича Юрьева онъ ставитъ прежде старшаго брата его Данилы (стр. 9, столб. 1). Сыновей Никиты Романовича перечисляетъ въ такомъ порядкѣ: Өедоръ (Филаретъ), Левъ, Михаилъ, Александръ, Василій и Иванъ (стр. 9, столб. 2). Настоящій же порядокъ таковъ: Өедоръ, Александръ, Михаилъ, Василій, Иванъ и Левъ [1]). Самый пере-

---

шенио вѣрно, потому что двоюродная сестра Филарета Никитича, Фотинья Даниловна, была за княземъ Өедоромъ Дмитріевичемъ Шестуновымъ и погребена въ царской усыпальницѣ Романовыхъ.

[1]) Родословная временъ царя Шуйскаго (Временникъ императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ. Кн. X. М. 1851. Матеріалы. стр. 88).

сказъ г. Петрова не всегда бываетъ удаченъ. Напримѣръ, по его изложенію, Евдокія Александровна (вторая супруга Никиты Романовича) умерла 4 апрѣля 1581 года, «подаривъ (?) мужу дѣтей».. (такихъ-то). Иванъ Никитичь Романовъ «дожилъ до 1640», тогда какъ можно было сказать совершенно опредѣленно: умеръ 18 іюля 1640 года [1]). Попадаются и хронологическія погрѣшности. Напримѣръ, сестра Михаила Өедоровича, Татьяна Өедоровна, умерла не 4 ноября 1612 года, а 21 іюля 1611 года [2]). Замѣтимъ также, что слѣдовало бы привести о службѣ Филарета Никитича, до постриженія его въ монашество, хотя бы тѣ краткія свѣдѣнія, которыя находятся у Спиридова [3]) Въ исторіи рода Романовыхъ это было бы далеко не лишнимъ дѣломъ.

Обращаемся къ разсмотрѣнію родословія князей Пожарскихъ (стр. 16), потомковъ 7-го сына великаго князя Всеволода Юрьевича Большое Гнѣздо, князя Ивана Всеволодовича, получившаго, въ 1238 году въ удѣлъ городъ Стародубъ (Суздальскій). Повторяя князя Долгорукаго (т. I, стр. 237), г. Петровъ говоритъ, что князь Иванъ Всеволодовичь родился въ 1197 году, а умеръ въ 1239-мъ. Годъ рожденія вѣренъ; что же касается до года кончины, то извѣстно, что князь этотъ былъ еще живъ и въ 1246 году, когда, по лѣтописному извѣстію, онъ, вмѣстѣ съ братомъ Святославомъ, возвратился «изъ Татаръ въ свою отчину» [4]).

При князѣ Михаилѣ Ивановичѣ Стародубскомъ (сынѣ упомянутаго князя Ивана Всеволодовича) г. Петровъ отмѣчаетъ, согласно съ Строевскою росписью [5]), «уп. 1281 г.» Не полезнѣе-

[1]) Описаніе царскихъ пресвѣтлыхъ прародителей, въ которыя лѣта и мѣсяцы и числа бысть переселеніе ихъ отъ здѣшняго благороднаго житія»... (Снегиревъ. Новоспасскій Ставропигіальный монастырь въ Москвѣ. М. 1863. Дополнительныя статьи, стр. XIV).

[2]) Тамъ-же, стр. XIII.

[3]) Записки о старинныхъ службахъ Русскихъ благородныхъ родовъ (Рукопись императорской публичной библіотеки). Ч. 5. стр. 80.

[4]) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. I. Спб. 1846. стр. 201.

[5]) Ключь къ Исторіи государства Россійскаго Карамзина. М. 1836. Роспись VIII, степень 11.

ли было выставить годъ его кончины (1315), прямо указанный въ Бархатной книгѣ. Но, можетъ быть, г. Петровъ не вѣритъ этому документу. Въ такомъ случаѣ слѣдовало справиться съ лѣтописью. Оказывается, что лѣтопись вполнѣ подтверждаетъ Бархатную книгу: «Лѣта 6823 (1315) преставися князь Михайло Ивановичь Стародубскій» [1]). Будь эта справка наведена, г. Петровъ не повторилъ бы и другой ошибки князя Долгорукова, не пріурочилъ бы года кончины князя Михаила Ивановича (1315) сыну послѣдняго, князю Ивану-Калистрату. Нужно было также справиться и у Спиридова, у котораго тоже показано, что въ 1315 году умеръ князь Михаилъ Ивановичь, а не сынъ его Иванъ-Калистратъ [2]).

Князь Андрей Ѳедоровичь Стародубскій, правнукъ князя Михаила Ивановича, названъ у г. Петрова «героемъ Куликовской битвы». Но мы не встрѣчаемъ ни въ лѣтописяхъ, ни въ отдѣльныхъ сказаніяхъ [3]) никакихъ извѣстій, не только о какомъ либо подвигѣ князя Андрея Ѳедоровича въ Куликовской битвѣ, но даже и прямого указанія на то, что онъ участвовалъ въ этой битвѣ. Правда, Карамзинъ говоритъ (безъ ссылки на источникъ), что князь Андрей Ѳедоровичь Стародубскій находился въ правомъ крылѣ рати Донскаго [4]); а въ лѣтописи сказано, что Дмитрій Донской выступилъ противъ Мамая «со всѣми князми Русскими» [5]). Охотно вѣримъ, что и князь Андрей Ѳедоровичь участвовалъ въ битвѣ. Но простое участіе еще далеко до геройства.

О старшемъ братѣ князя Андрея Ѳедоровича, князѣ Иванѣ Ѳедоровичѣ Стародубскомъ, г. Петровъ говоритъ, что въ 1356

---

[1]) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. VII. Спб. 1856. стр. 187.

[2]) Спиридовъ. Сокращенное описаніе службъ благородныхъ Россійскихъ дворянъ. Ч. 2. М. 1810. стр. 56. № 3071.

[3]) Самое подробное сказаніе о Куликовской битвѣ напечатано въ Русскомъ историческомъ сборникѣ (т. III. кн. I. М. 1838). Оно озаглавлено такъ: «Повѣданіе и сказаніе о побоищѣ великаго князя Димитрія Ивановича Донскаго».

[4]) Исторія государства Россійскаго. Изд. 2. Т. V. Спб. 1819. стр. 69.

[5]) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. IV. Спб. 1848 стр. 79.

году, «онъ «счастливо бился на Клязьмѣ». Съ кѣмъ именно былъ этотъ счастливый бой, г. Петровъ не объясняетъ, а лѣтописи молчатъ, ничего не вѣдая объ этомъ событіи.

Старшій сынъ князя Андрея Ѳеодоровича Стародубскаго, князь Василій Андреевичь, по словамъ г. Петрова, «получивъ въ удѣлъ *раззоренную пожаромъ* волость Радогость, прозвался *Пожарскимъ*». Но вѣдь еще Погодинъ, въ 1852 году, весьма основательно разъяснилъ, что южно-Русская волость Радогость, принадлежавшая Черниговскимъ князьямъ, не могла попасть въ удѣлъ Суздальскаго князя и что князь Василій Андреевичь Стародубскій получилъ отъ своего отца въ вотчину въ Стародубскомъ уѣздѣ въ Ряполовскомъ мѣстность или волость съ прямымъ названіемъ Пожаръ, отъ которой потомство его и стало именоваться князьями Пожарскими[1]). Еще тверже высказался по этому предмету Спиридовъ, у котораго читаемъ: «Князь Василій Андреевичь, по владѣнію волостью, Пожарою называемою, Пожарскимъ имяновался и потомки приняли по немъ названіе сіе»[2]).

У князя Долгорукова нѣтъ родословія собственно князей Пожарскихъ, потомковъ означеннаго князя Василья Андреевича. Оно обстоятельно составлено его продолжателемъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ[3]). Въ Бархатной книгѣ родословная Пожарскихъ доведена до V колѣна отъ князя Василья Андреевича; а въ извѣстномъ Родословцѣ, напечатанномъ во Временникѣ, — до IV колѣна. Такъ, что г. Петровъ въ своемъ генеалогическомъ очеркѣ князей Пожарскихъ воспользовался, главнымъ образомъ, родословною князя Лобанова-Ростовскаго, прибавивъ къ ней много и новаго. Напримѣръ, онъ ввелъ 16 женскихъ именъ; но, къ сожалѣнію, безъ соблюденія коренного научнаго правила:

---

[1]) О мѣстѣ погребенія князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Спб. 1852, стр. 22—24 и 40.

[2]) Сокращенное описаніе служебъ благородныхъ Россійскихъ дворянъ. Ч. 2. М. 1810. стр. 69.

[3]) Русская родословная книга. Т. I. Спб. 1873, стр. 35—37.

точнаго указанія на источникъ, откуда почерпнута эта важная новинка. При четырехъ правнукахъ князя Василья Андреевича Пожарскаго г. Петровъ означилъ вновь открытыя имена ихъ женъ. По его словамъ, князь Өедоръ Өедоровичь Пожарскій (второй правнукъ князя Василья Андреевича) состоялъ въ бракѣ «съ княгинею Анною, упоминаемою въ документѣ 1519 года».... Въ какомъ именно документѣ? Слѣдовало бы хотя сокращенно назвать его: Вкладная книга, купчая, синодикъ и т. подоб. Слѣдующій братъ князя Өедора Өедоровича, князь Сяменъ Өедоровичь Пожарскій, по словамъ г. Петрова, «женатъ былъ на княгинѣ Евфросиніи, уже овдовѣвшей въ 1527 году». Откуда это? Далѣе, князь Василій Өедоровичь Пожарскій, по словамъ г. Петрова, «женатъ былъ на княгинѣ Анастасіи, упоминаемой въ документѣ 1565 года».... А между тѣмъ, во Вкладной книгѣ Троице-Сергіевой Лавры находится запись, что «7066 (1558) года Генваря 21 дня, по князѣ Васильѣ Өедоровичѣ Пожарскомъ дала вкладу княгиня его Евфросинья (а не Анастасія) денегъ 50 рублевъ»[1]). Самый младшій братъ названныхъ князей Пожарскихъ, князь Иванъ Өедоровичь Третьякъ, по словамъ г. Петрова, былъ женатъ на «княгинѣ Матренѣ (въ монашествѣ Марөѣ)». Откуда это взято, не сказано. А во Вкладной книгѣ Троице-Сергіевой Лавры записано, что сынъ этого князя Ивана Өедоровича Третьяка, князь Өедоръ Ивановичь Пожарскій, 16-го декабря 7058 (1549) года, «далъ вкладу по матери своей инокѣ Өедосьѣ (а не Марөѣ) денегъ 10 рублевъ»[2]). Неизвѣстно, откуда взято г. Петровымъ и вновьоткрытое имя жены князя Бориса Өедоровича Долгаго Пожарскаго, «княгини Евдокіи», точно также, какъ и жены его брата князя Тимоөея Өедоровича Пожарскаго — «княгини Прасковьи»...

---

[1]) Подлинная выписка извѣстнаго нашего знатока церковныхъ древностей А. В. Горскаго изъ Вкладной книги о вкладахъ отъ князей Пожарскихъ въ Троицкій монастырь (О мѣстѣ погребенія князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Изслѣдованіе М. П. Погодина. Спб. 1852, стр, 19).

[2]) Тамъ же.

А между тѣмъ, въ той же Вкладной книгѣ Троице-Сергіевой Лавры подъ 7068 (1560) годомъ записано, что князь Тимоѳей Ѳедоровичъ Пожарскій «далъ вкладу по княгинѣ своей Марѳѣ (а не Прасковьѣ) вотчину свою въ Звенигородскомъ уѣздѣ, деревню Гущино»[1]). Двоюродный братъ князя Тимоѳея Ѳедоровича, князь Петръ Васильевичъ Черный Пожарскій, по словамъ г. Петрова, «имѣлъ двухъ женъ: Ксенію, упоминаемую въ 1558 «году, и Варвару, извѣстную по документу 1565 года, гдѣ упо«минается и сынъ князь Иванъ Петровичъ, отъ котораго брака «прижитый впрочемъ не видно».... Тѣмъ болѣе слѣдовало пояснить, что это за документъ. Вѣдь онъ далъ разомъ два новыхъ имени, такъ какъ князь Иванъ Петровичъ не показанъ ни въ Бархатной книгѣ, ни у князя Лобанова-Ростовскаго; а въ Сvнодальномъ Родословцѣ даже прямо сказано, что князь Петръ Васильевичъ Черный Пожарскій былъ «бездѣтенъ»[2]). Г. Петровъ говоритъ далѣе, что «онъ знаетъ еще имя жены князя Ивана Васильевича (родного брата только что упомянутаго князя Петра Васильевича—Варвару же, упоминаемую въ 1558—1559 г.»...

До сихъ поръ шли однѣ имена, но вотъ наконецъ г. Петровъ выводитъ особу не только съ отчествомъ, но и съ родовою фамиліею. По его словамъ, князь Петръ Борисовичъ Корова Пожарскій, родной внукъ князя Ѳедора Ѳедоровича и вновь открытой г. Петровымъ княгини Анны «упоминаемой въ документѣ 1519 года», былъ женатъ на дочери князя Семена Михайловича и княгини Пелагеи, «княжнѣ Ѳедосьѣ Семеновнѣ Мезецкой». Откуда же взято, по крайней мѣрѣ, это, столь рѣдкое по своей полнотѣ и ясности, свѣдѣніе? Авторъ молчитъ, не дѣлая даже обычнаго объясненія объ упоминаніи въ документѣ такого-то года. Посмотримъ въ его книгѣ дальше, въ статьѣ о князьяхъ Мезецкихъ (стр. 28), но тамъ нѣтъ, не только упомянутой княжны

---

[1]) Погодинъ. О мѣстѣ погребенія кн. Пожарскаго. Спб. 1852. стр. 19.

[2]) Временникъ императорскаго Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ. Кн. X. М. 1851. Матеріалы, стр. 64.

Ѳедосьи Семеновны, но даже и отца ея. У князя Лобанова-Ростовскаго[1]), князь Семенъ Михайловичь Мезецкій показанъ, но совершенно одинокимъ, безъ княгини Пелагеи и безъ дочери, княжны Ѳедосьи.... Мы не сомнѣваемся, что жену князя Петра Борисовича Коровы Пожарскаго звали Ѳедосьей[2]), но гораздо любопытнѣе свѣдѣніе объ ея родовой фамиліи. Откуда взято оно?

Г. Петровъ дополнилъ родословную князей Пожарскихъ также нѣсколькими мужескими именами, тоже никому неизвѣстными, и даже открылъ цѣлыхъ три поколѣнія потомковъ вышеупомянутаго князя Петра Борисовича Коровы Пожарскаго и Ѳедосьи Семеновны (рожденной княжны Мезецкой). По словамъ г. Петрова, у нихъ было «четверо дѣтей: Иванъ Петровичь, ум. между 1571 и 1572 годами; Юрій, ум. тоже ранѣе 1572 года; «Александръ и княжна Варвара». Вслѣдъ за тѣмъ, г. Петровъ говоритъ: «намъ извѣстенъ только сынъ князя Ивана Петровича, Ѳедоръ Ивановичь, имѣвшій четырехъ сыновей — князей: «Семена, Ивана, Василія и Ѳедора (упомин. 1590 г.)».

Вообще особенно много дополненій сдѣлано г. Петровымъ въ поколѣніи князя Ѳедора Ѳедоровича Пожарскаго (правнука перваго князя Пожарскаго Василья Андреевича). Для большей ясности изобразимъ это поколѣніе въ таблицѣ (на стр. 65), означивъ въ ней курсивомъ все то, что привнесено г. Петровымъ.

Отрадно смотрѣть на столь значительное приращеніе родословной такого почтеннаго рода. Но откуда взяты всѣ эти прибылыя имена, обозначенныя въ таблицѣ курсивомъ? Вопросъ этотъ особенно мучителенъ для рецензента, обязаннаго разсмотрѣть, провѣрить каждую новинку. До сихъ поръ никто ничего не зналъ о потомкахъ князя Петра Борисовича Коровы Пожарскаго, а теперь г. Петровъ даетъ три поколѣнія его потомковъ, упорно умалчивая объ источникѣ своего открытія. Въ такомъ

---

[1]) Русская родословная книга. Т. II. Спб. 1875, стр. 76, № 27.

[2]) Выписка изъ описи 1660 года о вкладахъ князей Пожарскихъ въ Спасо-Евфимьевскій монастырь (Погодинъ. О мѣстѣ погребенія князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Спб. 1852, стр. 38).

Князь Өедоръ Өедоровичь Пожарскій, *въ монашествѣ Өеогностъ.*
+
Анна, упоминаемая въ документѣ 1519 года.

- Князь Василій Өедоровичь Медвѣдь-Пожарскій. Умеръ бездѣтнымъ.
- Князь Борисъ Өедоровичь Долгій-Пожарскій. + *Евдокія.*
  - *Князь Семенъ Борисовичь Пожарскій.*
  - *Князь Михаилъ Борисовичь Пожарскій.*
  - Князь Петръ Борисовичь Корова-Пожарскій. + *Княжна Өедосья Семеновна Мезецкая.*
    - *Князь Иванъ Петровичь Пожарскій (ум. между 1571 и 1572 г.).*
      - *Князь Өедоръ Ивановичь Пожарскій.*
        - *Князь Семенъ Өедоровичь Пожарскій.*
        - *Князь Иванъ Өедоровичь Пожарскій.*
        - *Князь Василій Өедоровичь Пожарскій.*
        - *Князь Өедоръ Өедоровичь Пожарскій (упомин. 1590 г.).*
    - *Князь Юрій Петровичь Пожарскій (ум. ранѣе 1572 г.).*
    - *Князь Александръ Петровичь Пожарскій.*
    - *Княжна Варвара Петровна Пожарская.*
- Князь Иванъ Өедоровичь Пожарскій. Убитъ подъ Казанью (1552 г.).
  - *Княжна Евфросинія Ивановна Пожарская.* + *Иванъ Ивановичь Мячковъ.*
  - *Княжна Аграфена Ивановна Пожарская.* + *Степанъ Невѣжинъ-Копнинъ.*
- Князь Тимоөей Өедоровичь Пожарскій. + *Прасковья.*
  - Князь Петръ Тимоөеевичь *Щепа*-Пожарскій.
    - Кн. Дмитрій Петровичь Лопата-Пожарскій.
      - Кн. Борисъ Дмитріевичь Пожарскій.
    - Кн. Иванъ Петровичь Пожарскій.
      - Кн. Өедоръ Ивановичь Пожарскій.
    - Кн. Романъ Петровичь Лопата-Пожарскій. + *Авдотья Андреевна.*
      - *Кн. Өедоръ Романовичь Пожарскій.*
      - Кн. Семенъ Романовичь Пожарскій.

случаѣ, попробуемъ примѣнить къ дѣлу тотъ способъ провѣрки родословной, который указанъ самимъ авторомъ, по разсчету жизни лицъ въ извѣстный періодъ времени. «Напримѣръ, — говоритъ г. Петровъ, — «разсчитывая среднiй періодъ времени «жизни людей **послѣдовательныхъ поколѣній**, намъ хорошо «извѣстныхъ, по сравненію цѣлаго ряда колѣнъ, мы приходимъ «къ заключенію, что **двѣсти десять лѣтъ** соотвѣтствуетъ всего «болѣе счету семи поколѣній» (стр. 12, столб. 1). Значитъ, по 30 **лѣтъ на каждое поколѣніе**. Посмотримъ теперь на таблицу и провѣримъ по этому разсчету вновь выведенное г. Петровымъ трехколѣнное потомство князя Петра Борисовича Коровы Пожарскаго. Его бабка «Анна упоминается въ документѣ *1519* года»; его сынъ «князь Иванъ умеръ между 1571 и 1572 годами»; ну, положимъ, въ *1572* году. И такъ, между княгинею Анною и ея правнукомъ всего 53 года, на каждое изъ трехъ поколѣній приходится безъ малаго *по 17 лѣтъ*. Возьмемъ иначе: княгиня Анна упоминается въ документѣ 1519 года, ея пра-пра-правнукъ князь Θедоръ Θедоровичь Пожарскій «упоминается въ 1590 году». Выходитъ еще хуже: на пять поколѣній приходится всего 71 годъ, на каждое *по 14 лѣтъ* съ небольшимъ.

Замѣтимъ при этомъ, что исходною точкою разсчета мы брали указанный самимъ же г. Петровымъ годъ (1519) того неизвѣстнаго документа, въ которомъ упоминается открытая имъ княгиня Анна, нареченная супруга князя Θедора Θедоровича Пожарскаго. Но вѣдь послѣ того каждый въ правѣ принять на вѣру и показаніе Спиридова, который говоритъ, что «князь Θедоръ Θедоровичь Пожарскій (мужъ княгини Анны) въ *1544* году марта съ 1-го числа былъ первымъ воеводою третьей правой руки войскъ въ Казанскомъ луговою сторонею походѣ»[1]). Въ такомъ случаѣ, принявъ за исходную точку 1544 годъ, промежутокъ времени

---

[1]) Сокращенное описаніе службъ благородныхъ Россійскихъ дворянъ. Ч. 2. М. 1810, стр. 69, № 3179.

между княземъ Θедоромъ Θедоровичемъ и его правнукомъ княземъ Иваномъ Петровичемъ, умершимъ въ *1572* году, сократится уже до 28 лѣтъ и слѣдовательно, на каждое изъ трехъ поколѣній придется всего *9 лѣтъ* съ небольшимъ!

Пойдемъ далѣе. По словамъ г. Петрова, никакимъ документомъ неподкрѣпленнымъ, у князя Ивана Θедоровича Пожарскаго (убитаго подъ Казанью), были двѣ дочери: Евфросинія и Аграфена, изъ нихъ первая была за Иваномъ Ивановичемъ Мячковымъ, а вторая — за Степаномъ Невѣжинымъ-Копнинымъ. Припомнимъ сомнѣніе автора относительно того, чтобы могъ состояться бракъ боярина Романова съ простою дворянкою Шестовою. «Неаристократическую-де родню въ семьи свои не принимала старинная Московская аристократія» (стр. 88, столб. 2). А вотъ выходитъ, что не только «Московскій аристократъ», но и самъ князь Рюриковой крови не постыдился выдать свою старшую дочь за простого дворянина Мячкова.

Намъ неизвѣстно также, откуда взято г. Петровымъ прозваніе Щепа — для князя Петра Тимоѳеевича Пожарскаго, равно какъ и прозваніе Каша — для перваго князя Стародубскаго Ивана Всеволодовича. Нигдѣ не встрѣчали мы этихъ князей съ такими прозваніями.

Сынъ упомянутаго князя Петра Тимоѳеевича, князь Романъ Петровичь Лопата Пожарскій, по словамъ г. Петрова, былъ женатъ на «княгинѣ Авдотьѣ Андреевнѣ», бывшей «на свадьбѣ ихъ величествъ» царя Михаила Θедоровича и Евдокіи Лукьяновны Стрѣшневой (1626 года) въ свахахъ. Вотъ это, конечно, не подлежитъ сомнѣнію. Дѣйствительно, въ свадебномъ разрядѣ записано, что свахою «съ государынины стороны» была «князь Романова жена княжъ Петрова сына Пожарскаго княгиня Авдотья Андреевна»[1]). Но мы нигдѣ не могли доискаться, откуда взялъ г. Петровъ, что у князя Романа Петровича Пожарскаго и Авдотьи Андреевны, кромѣ извѣстнаго по родословнымъ сына

[1]) Дворцовые разряды. Т. I. Спб. 1850, столб. 768.

5*

князя Семена, былъ еще сынъ князь Ѳедоръ. Да и князь Семенъ Романовичь Пожарскій названъ г. Петровымъ двоюроднымъ братомъ князя Ивана Дмитріевича Пожарскаго (младшаго сына знаменитаго князя Дмитрія Михайловича). Какіе же они были двоюродные братья? Лишь пра-прадѣды ихъ, князья Ѳедоръ Ѳедоровичь и Иванъ Ѳедоровичь Третьякъ Пожарскіе, были родными братьями.

На князѣ Семенѣ Романовичѣ кончается наша таблица съ выведеннымъ въ ней, согласно разсказу г. Петрова, потомствомъ князя Ѳедора Ѳедоровича Пожарскаго. У роднаго брата его, князя Семена Ѳедоровича, до сихъ поръ извѣстны были только два сына: князья Данила и Григорій Семеновичи. Г. Петровъ говоритъ, что у него были еще два сына Тимоѳей и Иванъ, и вмѣсто указанія на источникъ, даетъ такое смутное объясненіе: княгиня Евфросинія, жена князя Семена Ѳедоровича, «уже овдо«вѣла въ 1527 году, когда умеръ младшій сынъ ихъ, князь «Иванъ Семеновичь, по душѣ котораго старшій братъ, князь Да«нила Семеновичь, дѣлалъ вкладъ въ монастырь». Не прямѣе ли было просто указать на Вкладную книгу именно такого-то монастыря.

Трехъ сыновей слѣдующаго брата князя Ѳедора Ѳедоровича, князя Василья Ѳедоровича, г. Петровъ почему-то переставилъ одного вмѣсто другого. Они должны итти въ такомъ порядкѣ: Иванъ, Борисъ и Петръ. У г. Петрова — Петръ, Иванъ и Борисъ. Тоже самое онъ сдѣлалъ и съ сыновьями князя Ѳедора Ѳедоровича (о чемъ мы забыли упомянуть раньше). Тѣ должны итти въ такомъ порядкѣ: Борисъ Долгій, Иванъ, Василій Медвѣдь и Тимоѳей. А какъ переставилъ ихъ г. Петровъ, просимъ взглянуть на нашу таблицу (стр. 65).

Вышеупомянутому князю Борису Васильевичу г. Петровъ придалъ еще другое, неизвѣстно откуда взятое, имя Кузьмы, а его прозваніе Бѣлобокъ, показанное и въ Бархатной книгѣ, и у Спиридова, и у князя Лобанова-Ростовскаго, передѣлалъ на Голобока. Если г. Петровъ стѣснялся довѣриться Бархатной

книгѣ, такъ уже лучше было бы послѣдовать примѣру стараго Родословца, называющаго князя Бориса Васильевича Пожарскаго гораздо нѣжнѣе — Голубкомъ[1]). По родословнымъ, у князя Бориса Васильевича былъ только одинъ сынъ Семенъ. Г. Петровъ придаетъ ему еще двухъ: Михаила и Тимоѳея: «мы знаемъ имена трехъ сыновей Козьмы Голобока (?) — Михаилъ, Семенъ и Тимоѳей». Мало сказать, «мы знаемъ»; нужно еще убѣдить въ этомъ другихъ и опять-таки, безъ лишнихъ словъ, показать документъ.

Наконецъ, мы дошли до послѣдней, младшей вѣтви князей Пожарскихъ, до потомковъ князя Ивана Ѳедоровича Третьяка Пожарскаго. Эта вѣтвь меньше всего подверглась дополненіямъ. Въ нее включено г. Петровымъ, тоже безъ указанія на источникъ, всего четыре новыхъ лица: 1) князь Яковъ и 2) княжна Анна — дѣти князя Ивана Ѳедоровича Третьяка; 3) жена старшаго сына знаменитаго князя Дмитрія Михайловича, князя Петра Дмитріевича Пожарскаго, княгиня Анастасья Григорьевна и 4) внучка князя Дмитрія Михайловича (отъ его младшаго сына князя Ивана), княжна Марѳа, «умершая въ младенчествѣ». Странно, что г. Петровъ вовсе не упоминаетъ о прочихъ дочеряхъ князя Ивана Дмитріевича Пожарскаго: о княжнѣ Аннѣ (бывшей за княземъ Юріемъ Даниловичемъ Великогагинымъ), о княжнѣ Аграфенѣ (бывшей за княземъ Дмитріемъ Алексѣевичемъ Голицынымъ), о княжнѣ Евдокіи (бывшей за княземъ Михаиломъ Алегуковичемъ Черкасскимъ), равно какъ и о княжнѣ Аннѣ Петровнѣ (дочери князя Петра Дмитріевича Пожарскаго), бывшей въ 1-мъ бракѣ за княземъ Аѳанасіемъ Борисовичемъ Рѣпнинымъ, а во 2-мъ — за Иваномъ Андреевичемъ Милославскимъ[2]). Во всякомъ случаѣ эти четыре лица имѣютъ бо̀льшее значеніе для исторіи рода Пожарскихъ, чѣмъ княжна Марѳа, не-

[1]) Временникъ императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ. Кн. X. М. 1851. Матеріалы, стр. 64.

[2]) Князь Лобановъ-Ростовскій. Русская Родословная книга. Т. I. Спб. 1873, стр. 37.

извѣстно откуда взятая, и при томъ умершая, по словамъ г. Петрова, въ младенчествѣ.

Весьма жаль, что г. Петровъ не указываетъ документа, изъ котораго онъ узналъ, что жену князя Петра Дмитріевича звали Анастасьей Григорьевной. Дѣло въ томъ, что въ Суздальскомъ Спасо-Евѳиміевомъ монастырѣ хранятся два серебряныя блюдца съ вырѣзанною по краямъ надписью: «Приложила княгиня Авдотья Петровна Долгорукова (дочь князя Петра Дмитріевича Пожарскаго) по родителяхъ ея князѣ Петрѣ Дмитріевичѣ и княгинѣ Марѳѣ Семеновнѣ Пожарскихъ»[1]). Нужно бы сперва доказать невѣрность этого наименованія, а потомъ уже означать новое и при томъ съ точнымъ, документальнымъ свидѣтельствомъ.

Упомянутая вкладчица княгиня Авдотья Петровна Долгорукова, по словамъ г. Петрова, была въ первомъ бракѣ за бояриномъ Иваномъ Петровичемъ Шереметевымъ (ум. 1647 г.). Это невѣрно. Авдотья Петровна была въ первомъ бракѣ за стольникомъ Иваномъ Васильевичемъ Шереметевымъ (сыномъ извѣстнаго Крымскаго плѣнника Василья Борисовича Шереметева), умершимъ въ *1667* году.

Мы освидѣтельствовали во всѣхъ подробностяхъ родословныя росписи двухъ родовъ, самимъ же авторомъ выставленныхъ впередъ. Теперь выберемъ изъ книги г. Петрова, для примѣра, еще по одной фамиліи изъ каждой части.

Изъ 1-й части (князья Рюрикова рода), возьмемъ помѣщенныхъ г. Петровымъ вслѣдъ за князьями Пожарскими, князей Одоевскихъ (стр. 18).

Родословіе князей Одоевскихъ доведено въ Бархатной книгѣ до 9-го колѣна отъ князя Семена Юрьевича, родного внука Черниговскаго князя Романа Семеновича, впервые водворившагося въ городѣ Одоевѣ. А въ Сѵнодальномъ Родословцѣ оно

---

[1]) Владимірскій Сборникъ, изд. К. Тихонравовымъ. М. 1857, стр. 51.—Эта же надпись приведена и у іеромонаха Іоасафа, въ его книгѣ: «Церковно-историческое описаніе Суздальскихъ достопамятностей (Чугуевъ. 1857. стр. 63), но тамъ стоитъ не Марѳа Семеновна, а Марѳа Степановна.

доведено лишь до 3-го колѣна отъ князя Семена Юрьевича. Князь Долгоруковъ[1]) воспроизвелъ у себя полный текстъ Бархатной книги, дополнивъ его только двумя новыми лицами: княземъ Михаиломъ Ивановичемъ (сыномъ князя Ивана Сухорука) и княземъ Романомъ Романовичемъ (сыномъ Романа Ивановича, племянника Швиха). Г. Петровъ, почти дословно повторяя князя Долгорукова, помѣстилъ и въ своей родословной введенныхъ имъ двухъ князей, добавивъ отъ себя еще третье лицо: князя Ивана Романовича (бездѣтнаго), якобы сына упомянутаго князя Романа Романовича. Откуда г. Петровъ взялъ этого князя, не знаемъ. Если изъ Сvнодальнаго Родословца[2]), то вѣдь тамъ отецъ этого бездѣтнаго князя Ивана названъ не Романомъ, а Михаиломъ.

Бархатная книга вообще весьма скупа на историческія извѣстія о лицахъ въ ней помѣщенныхъ, и если попадаются такія, то, разумѣется, нужно пользоваться ими. О князѣ Иванѣ Михайловичѣ Одоевскомъ (внукѣ боярина князя Никиты Романовича) сказано въ Бархатной книгѣ, что «убили его подъ Москвою Литовскіе люди». Князь Долгоруковъ почему-то не воспользовался этимъ извѣстіемъ. Вслѣдъ за Долгоруковымъ умалчиваетъ объ немъ и г. Петровъ, не смотря на то, что оно несомнѣнно имѣетъ большое значеніе въ исторіи рода князей Одоевскихъ. Г. Петровъ весьма своеобразно пользуется историческимъ текстомъ князя Долгорукова, въ видѣ пересказа даже такихъ простыхъ вещей, какъ годъ кончины извѣстнаго лица. Напримѣръ, князь Долгоруковъ, при имени князя Василья Семеновича Швиха Одоевскаго означаетъ: «бояринъ † 1534»; у г. Петрова: «умеръ бояриномъ въ годъ воцаренія Грознаго». При князѣ Романѣ Ивановичѣ Одоевскомъ, у князя Долгорукова: «бояринъ † 1536»; у г. Петрова: «бояринъ, пережившій двумя годами дядю (Швиха)». При князѣ Петрѣ Михайловичѣ Одоевскомъ, у князя Долгорукова показано: «ген.-маіоръ † 1749; жен. на Маріѣ

---

[1]) Россійская родословная книга. Ч. I. Спб. 1854. стр. 54—58.

[2]) Временникъ императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ. Кн. X. М. 1851. Матеріалы стр. 70.

Степановнѣ NN»; у г. Петрова: «генералъ-маіоръ, умершій въ 1749 г. безъ потомства, хотя и женатымъ». При второй женѣ князя Ивана Васильевича Одоевскаго, княгинѣ Евдокіѣ Михайловнѣ Волконской, рожденной Самариной, г Петровъ, для того чтобы убѣдить, что дѣти этого князя Ивана Васильевича рождены отъ перваго брака, объясняетъ, что княгиня Евдокія Михайловна «вышла за князя Одоевскаго въ такихъ лѣтахъ, когда потомство рѣдко оказывается» (?). На подобныя повѣствованія потрачено въ книгѣ очень много мѣста, которое могло бы быть употреблено съ бòльшею пользою на точное указаніе источниковъ, которыми пользовался авторъ.

Г. Петровъ поступилъ, конечно, совершенно правильно, цѣликомъ перенявъ у князя Долгорукова родословіе князей Одоевскихъ. Не сочинять же для трехъ сотень родовъ новыя поколѣнныя росписи. Но все же слѣдовало бы имѣть въ виду, что князь Долгоруковъ писалъ 32 года тому назадъ. Съ того времени могли прибыть и какія-нибудь новыя свѣдѣнія. Кромѣ того, съ такого разстоянія виднѣе и ошибки, которыя дѣйствительно попадаются у князя Долгорукова. Напримѣръ, онъ говоритъ, а г. Петровъ повторяетъ за нимъ, что сестра князя Якова Никитича Одоевскаго, княжна Мароа Никитична, была за княземъ Михаиломъ Яковлевичемъ Черкасскимъ. Это ошибка. За княземъ Черкасскимъ была не сестра князя Якова Никитича, а его дочь — княжна Мароа Яковлевна [1]).

Въ концѣ родословія князей Одоевскихъ у г. Петрова описка или опечатка, неоговоренная въ рубрикѣ Дополненій и Поправокъ. Отецъ послѣдняго князя Одоевскаго Владиміра Өедоровича названъ княземъ Петромъ Сергѣевичемъ.

Изъ 2-й части книги г. Петрова (Знать инородческая), разсмотримъ родословіе князей Черкасскихъ (стр. 221). Долго не остановимся на немъ. И въ родословіи князей Черкасскихъ г. Петровъ не сказалъ ничего новаго противъ князя Долгору-

[1]) См. нашу Исторію рода Шереметевыхъ: кн. 3, стр. 338; кн. 4, стр. 110, 111.

кова[1]). То-же указаніе на происхожденіе князей Черкасскихъ отъ загадочнаго Инала, бывшаго «сперва султаномъ Египетскимъ, потомъ владѣтелемъ Большой Кабарды», и умершаго въ 1453 году. Тѣ же имена его ближайшихъ потомковъ мурзъ: Тобулду, Инармазъ, Жанготъ, Минбулатъ, Идаръ, Убиту, Жележготъ и т. д. Чтò могутъ говорить историку рода эти полу-миѳическія имена мурзъ безъ годовъ, неподдающіяся никакой провѣркѣ! Было бы гораздо полезнѣе, напримѣръ, обозначить совершенно ясно три главнѣйшія вѣтви князей Черкасскихъ: Олегуковичей, Куденетовичей и Камбулатовичей, представители коихъ имѣли дѣйствительно важное значеніе въ нашей исторіи. Слѣдовало бы сказать что-нибудь о знаменитомъ князѣ Мамстрюкѣ, родномъ братѣ царицы Маріи Темгрюковны, память о которомъ, о его богатствѣ и удали, до сихъ поръ еще живетъ въ народной пѣснѣ:

«Охъ ты гой еси, Черкасскій князь!
Великъ ростомъ уродился ты,
Златомъ, сѣребромъ украсился, —
Не пытавъ силы похваляешься;
Да гляди — рано не нарадуйся» .... [2]).

Ни слова не сказано у г. Петрова и о сынѣ князя Мамстрюка, тоже извѣстномъ князѣ Дмитріѣ Мамстрюковичѣ.

Супруга князя Михаила Яковлевича Черкасскаго княжна Одоевская названа Марѳой Никитичной, какъ и у князя Долгорукова. Мы уже замѣтили при разборѣ родословія князей Одоевскихъ, что ее звали Марѳой Яковлевной.

Въ 3-й части (Дворянство отъ монарховъ Всероссійскихъ жалованное титулами князей и графовъ) разсмотримъ родословіе Бестужевыхъ-Рюминыхъ (стр. 263). Здѣсь мы войдемъ въ нѣкоторыя подробности, собственно для того, чтобы показать,

[1]) Россійская родословная книга. Ч. 2. Спб. 1855, стр. 36—45.
[2]) Лѣтописи Русской литературы и древностей. Изд. Н. Тихонравовымъ. Т. IV. М. 1862. отд. I, стр. 16.

какъ неосторожно поступаетъ иногда г. Петровъ, безусловно отрицая возможность выѣзда родоначальниковъ многихъ нашихъ дворянскихъ фамилій изъ чужихъ земель.

Г. Петровъ такъ начинаетъ родословіе графовъ и дворянъ Бестужевыхъ-Рюминыхъ: «Какой-то прожектеръ-иностранецъ, «подслуживаясь канцлеру Бестужеву, вздумалъ родъ Бестуже- «выхъ произвести отъ Англичанина Беста, хотя по правиламъ «Русскаго словообразованія отъ Беста никакъ бы не прозвались «потомки его Бестужевыми, а ясно, что предокъ ихъ имѣлъ про- «звище Безстужъ, т. е. не докучающій ничѣмъ (въ смыслѣ хо- «датайствъ какого бы то ни было рода). Понятно, что мнимое про- «исхожденіе отъ Англійскаго предка, будто бы явившагося въ «Москву служить великому князю Василію Дмитріевичу, должно «сбивать прямое и вѣрное пріуроченіе рода Бе(з)стужевыхъ [1]) и «Рюминыхъ отъ Новгородца, выходца въ Москву — одного изъ «образователей Московскихъ служилыхъ родовъ, записанныхъ въ «наши родословцы, несомнѣнно составляемые съ XV вѣка.»

Прежде всего замѣтимъ, что канцлеръ графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ родился 22 мая *1693* года, а еще въ жалованной грамотѣ великаго князя Ивана III, писанной 8 августа *1469* года, слѣдовательно за два съ четвертью вѣка до рожденія канцлера, сказано было, что онъ, великій князь, «пожаловалъ боярина своего Якова Гавриловича Рюму Бесту- «жево, за многіе службы его и за выѣздъ отца его, Гаврила «Беста, городомъ Серпейскомъ.» [2]).

Выходитъ, безыменный «прожектеръ-иностранецъ», подслуживавшійся канцлеру Бестужеву, не изъ своей головы выдумалъ о происхожденіи Бестужевыхъ отъ выѣзжаго человѣка

---

[1]) Буква *з* въ скобкахъ, вставлена авторомъ.

[2]) Грамота эта помѣщена въ рукописномъ сборникѣ А. Т. Князева 1776 г. (хранится въ Румянцовскомъ музеѣ), а потомъ напечатана по списку, находящемуся въ фамильномъ архивѣ Алексѣя Васильевича Бестужева, въ «Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи», изд. Н. В. Калачовымъ. Кн. 3. Спб. 1859, стр. 7.

Беста и что онъ зналъ указанную царскую грамоту, по-видимому, остающуюся доселѣ неизвѣстною даже и тѣмъ Русскимъ людямъ, которые, по своей профессіи, обязаны знать ее.

Почти навѣрное можно сказать, что упомянутый иностранецъ зналъ и тѣ документы, тоже сохранившіеся, изъ которыхъ явствуетъ, что Бестъ, родоначальникъ Бестужевыхъ, выѣхалъ именно изъ Англіи.

Вотъ что намъ извѣстно изъ архивныхъ документовъ [1]) объ Англичанинѣ Бестѣ и объ его потомкахъ Бестужевыхъ-Рюминыхъ.

23-го мая 1686 года, четыре представителя рода Бестужевыхъ, Петръ Михайловичь (отецъ канцлера), Иванъ Петровичь (сынъ бывшаго Тотемскаго воеводы Петра Юрьевича), стольникъ Дмитрій Андреевичь и Дмитрій Ивановичь (внукъ Игнатія Никитича) Бестужевы подали въ Разрядъ, за общимъ подписаніемъ, поколѣнную роспись своего рода, въ которой читаемъ слѣдующее:

«6911 (1403) лѣта, Гаврилъ Бестъ пріиде изъ Аглинскія земли къ Москвѣ къ великому князю Василью Дмитріевичу всея Россіи. А о выѣздѣ его къ Москвѣ свидѣтельствуетъ грамота великаго князя Ивана Васильевича сыну его боярину Якову Гавриловичу Рюмѣ Бестужево 6977 (1469) году, августа въ 8-й день, которая и нынѣ обрѣтается въ родѣ нашемъ. А о бытности его, Гаврилы, фамиліи шляхетства и иныхъ сродниковъ нашихъ во Англіи, въ Лондонѣ, въ Гербовомъ Домѣ описуется, и бытность ихъ значитъ въ Лондонѣ, въ графствахъ Кентскомъ и иныхъ государства Аглинскаго. А о гербѣ нашемъ, который означенъ при сей росписи [2]), ясно свидѣтельствуетъ (такъ!) во Англіи, въ Лондонѣ, въ Гербовой книгѣ. И о той его, Гаври-

---

[1]) Документы эти собственноручно списаны для насъ изъ рукописнаго Сборника Князева («Выборъ изъ законовъ о дворянствѣ»), хранящагося въ Румянцовскомъ музеѣ, хранителемъ Отдѣленія рукописей и старопечатныхъ книгъ музея Дмитріемъ Петровичемъ Лебедевымъ.

[2]) Къ сожалѣнію, въ документахъ не оказалось ни герба, ни его описанія.

ловѣ, бытности и о иныхъ сродникахъ нашихъ, бывшихъ по немъ въ Англіи, въ разныхъ графствахъ, и о гербѣ изъ Англіи свидѣтельствованнымъ письмомъ за скоростію нынѣ ясно свидѣтельствовать невозможно. А впредь о томъ изъ Англіи, изъ Лондона, свидѣтельство со всякимъ подтвержденіемъ для самой вѣрности къ сей росписи въ Разрядъ подадимъ».

Далѣе слѣдуетъ поколѣнная роспись потомковъ Гаврилы Беста, которую мы изложимъ ниже, въ болѣе удобной формѣ родословной таблицы.

Къ росписи приложены были въ спискахъ: вышеупомянутая жалованная грамота великаго князя Ивана III-го и невмѣстная грамота великаго князя Василья Ивановича, отъ 20-го іюля 1509 года, данная окольничему Матвѣю Яковлевичу Бестужеву (родному внуку Беста), на Андрея Петровича Нагова [1]). На обоихъ одинаковая подпись: «Къ сему списку Петръ Бестужево руку приложилъ, а подлинную грамоту къ себѣ взялъ».

Податели росписи знали еще о другихъ фамильныхъ грамотахъ и объ нихъ показали слѣдующее: «А иныя многія грамоты и наказы отъ многаго разоренія утерялись; и тѣ грамоты и наказы въ сей росписи не явлены для того, что за скоростію обыскать ихъ не успѣли. А какъ тѣ грамоты послѣ того обыщутся, и тѣ грамоты мы въ пополнку къ сей росписи въ Разрядъ подадимъ».

Лишь въ 1699 году, получено было наконецъ изъ Англіи, черезъ посредство нашего посла боярина Ѳедора Алексѣевича Головина, свидѣтельство на Латинскомъ языкѣ Лондонской Гербовой палаты, подписанное, въ 1698 году, Герольдмейстеромъ Пирсомъ Мандуитомъ [2]).

---

[1]) Эта грамота тоже напечатана въ Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, изд. Н. В. Калачовымъ. Кн. 3. Спб. 1859, стр. 8.

[2]) Въ Сборникѣ Князева помѣщено свидѣтельство Лондонской Гербовой палаты въ Русскомъ переводѣ, сдѣланномъ извѣстнымъ переводчикомъ Посольскаго приказа Николаемъ Спафаріемъ. У Кон. Ник. Бестужева-Рюмина хранится, въ числѣ другихъ фамильныхъ документовъ, списокъ этого свидѣтельства на Латинскомъ языкѣ, изъ котораго приводимъ отрывокъ

Въ этомъ свидѣтельствѣ Англійскій Герольдмейстеръ, послѣ обычныхъ напоминаній о томъ, что онъ, по присягѣ, обязанъ хранить «родословія мужей шляхетныхъ родовъ, купно съ ихъ гербами породными», а также, «когда вопрошенъ будетъ», давать о томъ свидѣтельства, прямо говоритъ слѣдующее: «Около лѣта 1403-го, г. Габрелусъ Бестъ, отъ древней фамиліи графства Кентскаго рожденный, въ страны отдаленныя странствовати отшелъ есть, яко мнимъ, въ царство Московское» [1]).

Присланное свидѣтельство представлено было въ Разрядъ, въ мартѣ 1699 года, при челобитной, подписанной тѣми же лицами, которыя подавали поколѣнную роспись (за исключеніемъ Дмитрія Ивановича Бестужева). «Нынѣ—писали челобитчики—изъ Англіи, изъ Лондона, изъ Гербоваго Дому о прежнихъ фамиліи нашей бывшихъ и обрѣтающихся нынѣ во Англіи и о гербѣ нашемъ свидѣтельствованный листъ за свидѣтельствомъ того Гербовства домуправителя и со всякимъ подтвержденіемъ намъ присланъ. Милосердый великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичь, пожалуй насъ, холопей своихъ, вели тотъ свидѣтельствованный листъ для свидѣтельства къ росписи нашей принять и, освидѣтельствовавъ, взять съ него списокъ и, исправя, отдать тотъ листъ намъ.»

19 марта, подлинное свидѣтельство Лондонской Гербовой палаты, по сличеніи съ нимъ перевода, было возвращено челобитчикамъ съ роспискою.

Теперь, кажется, нельзя уже сомнѣваться, что показанный въ свидѣтельствѣ Лондонской Гербовой палаты дворянинъ Гавріилъ Бестъ есть тотъ самый Гавріилъ Бестъ, «о выѣздѣ»

для сравненія: «Nec non invenio quod circa Annum 1403 Dom. Gabrielis Best hujus familia oriandus in partes remotas peregre profectus est et, uti opinamur, in Regnum Moscoviense, generosa quodam ejus nominis familia etiam num, ut attestatur, in magna reputatione adhuc perdurante».

[1]) Въ Англіи существуютъ три вѣтви древней дворянской фамиліи Бестъ: Best of Donnington, Best of Eastbury house и Best Late of Chilston and Wierton (Burke. A genealogical and heraldic dictionary of the landed gentry. London. 1855).

коего въ Россію говорится въ грамотѣ великаго князя Ивана III-го. Сынъ этого Гавріила Беста въ той же великокняжеской грамотѣ показанъ съ прозвищемъ Рюма Бестужево. Это несомнѣнный историческій фактъ. Какъ и почему образовалось это прозвище, не знаемъ. Г. Петровъ находитъ, что «по правиламъ Русскаго словообразованія отъ Беста никакъ бы не прозвались потомки его Бестужевыми, а ясно, что предокъ ихъ имѣлъ прозвище Безстужъ, т. е. недокучающій ничѣмъ (въ смыслѣ ходатайствъ какого-бы то ни было рода).» Да уже если предпочитать фактамъ историческимъ — догадки, то почему же не допустить, напримѣръ, и того, что Гавріилъ Бестъ, предъ въѣздомъ въ Россію, прожилъ нѣкоторое время въ Польшѣ и тамъ его фамиліи пріурочена была обыкновенная Латинская форма Бестусъ (Bestus). У Полякова же буква *эсъ* легко переходитъ въ *ша*. Вотъ вамъ и Бесту*шъ*; а отсюда до Бесту*жа* развѣ далеко? Но вѣдь гадать можно до безконечности.

Были Бестужевы и въ Новгородѣ, но г. Петровъ напрасно пріурочиваетъ къ нимъ потомковъ Англичанина Беста. Между ними не было ничего общаго, кромѣ прозванія [1]), и вотъ тому доказательство:

Въ 1701 году, Петръ Михайловичь и Иванъ Петровичь Бестужевы съ братьями и съ племянниками, въ поданной челобитной, показали, что «Новгородцы, Костромичане и иныхъ городовъ пишутся ихъ прозваніемъ Бестужевы; а тѣ люди роду не ихъ». Челобитчики просили, «для раздѣленія тѣхъ родовъ, писаться имъ съ прозваніемъ прародителя ихъ боярина Якова Гавриловича Рюмы Бестужево, Бестужевыми-Рюмиными». Челобитье это признано правильнымъ, и 2 сентября 1701 года, императоръ Петръ Великій именнымъ указомъ пожаловалъ Петра Михайлова сына Бестужева съ сродники, ука-

[1]) Имя прилагательное **бестужій** весьма обыкновенное слово. Оно означаетъ: усердный, ревностный, неутомимый. Доселѣ у насъ на сѣверѣ говорятъ: «**Бестужій въ работѣ**» (Даль. Толковый Словарь живаго Великорусскаго зыка. Ч. I. М. 1863. стр. 73).

I. ....

II. ....

залъ въ Разрядѣ въ боярскихъ книгахъ и спискахъ писать ихъ и кто напредки роду ихъ будетъ и самимъ имъ во всякихъ письмахъ, для раздѣленія отъ ихъ родовъ, которые пишутся Бестужевыми, писаться къ прежнему своему прозванію прародительскимъ ихъ другимъ прозваньемъ Бестужевыми-Рюмиными, для того: по свидѣтельствованному иноземскому письму и гербу изъ Англіи, изъ Лондона, изъ Гербоваго Дома, каково письмо для свидѣтельства принято въ Разрядъ къ родословной ихъ росписи въ 207 (1699) году, Гаврило Бестъ, отъ котораго они, Петръ съ сродники, поведеніе роду своему въ родословной своей росписи написали, явился. А писано то свидѣтельствованное письмо въ Англіи, въ Лондонѣ, въ Дому собранія гербовъ лѣта 1698 г. А въ жалованной грамотѣ предка его, государева, блаженной памяти великаго князя Ивана Васильевича всея Россіи, какова дана за выѣздъ изъ Англіи того прародителя ихъ, Гаврила Беста, сыну его боярину Якову Гавриловичу, написанъ онъ въ той грамотѣ Яковъ Гавриловичь Рюма Бестужево имянно. И для того ихъ по тому вышеписанному свидѣтельству тѣмъ другимъ прозваньемъ именовать, и писать въ спискахъ въ Разрядѣ о томъ другомъ прозваніи подъ именами ихъ, Петра и которые по спискамъ явились сродники его, и въ родословной для росписи написаны, для раздѣленія отъ иныхъ родовъ отмѣтить.»

Теперь изобразимъ въ таблицѣ поколѣнную роспись Бестужевыхъ-Рюминыхъ, поданную въ Разрядъ представителями ихъ рода, 23 мая 1686 года, съ означеніемъ всѣхъ историческихъ свѣдѣній, помѣщенныхъ въ той росписи.

Поколѣнная роспись Бестужевыхъ (Рюминыхъ), представленная въ Разрядъ, оканчивается такимъ заявленіемъ подателей ея: «А опричe того роду, нашихъ Бестужевыхъ нѣтъ.»

Имѣемъ право считать эту роспись потомковъ Англичанина Беста самою точною. Она вѣрна и по разсчету степеней: на девять поколѣній, отъ Гаврилы Беста (упом. въ 1403 году) до Алексѣя Ивановича (степ. X, № 55), упоминаемаго въ 1686 году,

приходится 283 года, слѣдовательно, на каждое поколѣніе — по 31 году съ небольшимъ. Вѣрны и историческія указанія, встрѣчаемыя въ росписи. Напримѣръ, извѣстіе о посылкѣ въ Орду Матвѣя Яковлевича (степ. III, № 4) удостовѣряется лѣтописью, въ которой, подъ 6 числомъ сентября 6985 (1476) года записано: «отпустилъ князь великій посла Татарскаго Бучюку, а съ нимъ своего посла Матфѣя Бестужева.» [1]). Никита Григорьевичь (степ. VIII, № 30) показанъ воеводою въ Угличѣ, безъ означенія года. По справкѣ съ актами, оказывается, что онъ дѣйствительно былъ Углицкимъ воеводою, въ 1672 году, когда послана была «на Углечь воеводѣ Микитѣ Григорьевичу Бестужеву» царская грамота о переписи въ Углицкой дворцовой рыбной слободѣ дворовъ и рыбныхъ ловцовъ [2]). Василій Ивановичь (степ. VIII, № 29) показанъ убитымъ подъ Смоленскомъ, тоже безъ означенія года. Въ росписи дворянъ и дѣтей боярскихъ (отъ 28 августа 1609 года), которые для осаднаго времени расписаны по городу Смоленску, по воротамъ и башнямъ, находимъ, что «ворота Молоховскіе» поручено было «вѣдать Василью Бестужего.» [3]).

Посмотримъ же, что сдѣлалъ съ родословіемъ Бестужевыхъ-Рюминыхъ г. Петровъ.

Выставивъ впередъ «прожектера-иностранца», якобы выдудумавшаго для канцлера Бестужева происхожденіе его рода отъ Англичанина Беста, г. Петровъ приступаетъ къ опытамъ приспособленія Бестужевыхъ-Рюминыхъ къ миѳическому Новгородцу, «выходцу въ Москву». Встрѣтивъ въ Сvнодальномъ родословцѣ, въ росписи Плещеевыхъ, между потомками Ѳеодора Бяконта, лицо съ прозвищемъ Безстужъ [4]), г. Петровъ заявляетъ, что тутъ «кажется, очень обстоятельно указанъ предокъ рода

---

[1]) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. VIII. Спб. 1859. стр. 183.

[2]) Акты Археографической экспедиціи. Т. IV. Спб. 1836. № 187.

[3]) Акты историческіе. Т. II. Спб. 1841. стр. 309, столб. 2.

[4]) Временникъ императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ. Кн. X. М. 1851. Матеріалы. стр. 99.

Бестужевыхъ, оказывающихся вѣтвью рода Плещеевыхъ», и за тѣмъ, прямо начинаетъ свой изводъ:

«У Александра Ѳедоровича Плещея, боярина Дмитрія Донскаго, «третій сынъ былъ Ѳедоръ Сильный, имѣвшій сына Андрея, отца «Тарха, Безстужа (конечно, имѣвшаго и христіанское имя?) [1]) «да Василія Косаго. Родъ Андрея Ѳедоровича Сильнаго — ска- «зано въ родословцѣ — въ Великомъ Новѣгородѣ и Ростовѣ.»

Въ этой выпискѣ изъ родословца, авторъ дѣлаетъ во 1-хъ пропускъ. Въ родословцѣ сказано, что у Александра Плещея былъ сынъ Данило и уже у Данилы третій сынъ Ѳедоръ Сильный. Во 2-хъ умалчиваетъ о варіантѣ, поставленномъ издателемъ родословца въ скобкахъ и указывающемъ, что въ другихъ двухъ древнѣйшихъ родословцахъ, напечатанныхъ въ той же книгѣ Временника, «у Андрея показанъ одинъ только сынъ Василій Косой». И дѣйствительно, въ родословцѣ временъ царя Ѳедора Ивановича читаемъ: «А у третьяго Данилова сына, у Ѳедора Сильнаго дѣти: Андрей, а у Андрея сынъ Василій Косой, а родъ его въ Новѣгородѣ великомъ и въ Ростовѣ [2]). Въ родословцѣ временъ Грознаго: «А у третьяго Данилова сына у Ѳедора у Сильнаго одинъ сынъ Андрей; а у Андрея сынъ Василій Косой, а родъ его въ Новѣгородѣ великомъ и въ Ростовѣ [3]). О Тархѣ и Безстужѣ нѣтъ помину и въ Бархатной книгѣ. Но г. Петровъ, нисколько не стѣсняясь этимъ, продолжаетъ выписывать все изъ того же перваго родословца, заключающаго въ себѣ, по его же словамъ, родословныя сказанія «съ очевидными позднѣйшими выдумками невѣждъ, неимѣвшихъ понятія о возможности повѣрки родословныхъ показаній хронологіею» (стр. 7).

«У Тарха — говоритъ г. Петровъ — были сыновья Иванъ да Борисъ, а Бестужевы дѣти — Пѣшокъ да Третьякъ Собака». Что же будетъ дальше? Вѣдь потомства Пѣшка и Третьяка Собаки въ родословцѣ не показано. А дальше

[1]) Слова, заключенныя въ скобки съ знакомъ вопроса, также принадлежатъ автору.

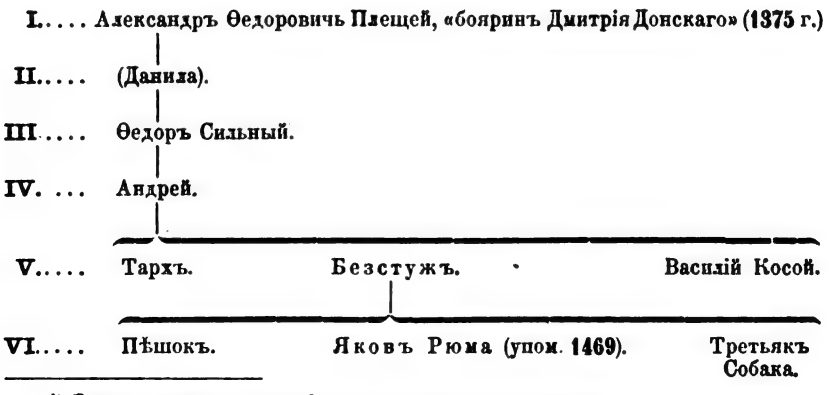
[2]) Временникъ. Кн. X стр. 178.

[3]) Тамъ-же, стр. 260.

г. Петровъ говоритъ буквально слѣдующее: «Уже нахожденіе «Третьяка заставляетъ допустить существованіе кромѣ двухъ «другихъ братьевъ и мнимаго сына Беста - Гаврилы (?)[1]). Яковъ «Рюма можетъ быть несомнѣнно братомъ Пѣшка, среднимъ ме- «жду нимъ и Третьякомъ Собакою, предкомъ Собакиныхъ, кото- «рыхъ — нужно замѣтить — было двѣ фамиліи въ Новгородѣ».

Неужели же только знакомъ вопроса можно убѣдить въ томъ, что Яковъ Рюма Бестужево былъ не подлинный, а мнимый сынъ Гаврила Беста? Вѣдь великокняжеская грамота на лицо. Напомнимъ еще разъ, что въ ней сказано: великій князь Иванъ Васильевичъ «пожаловалъ боярина своего Якова Гавриловича Рюму Бестужево за многія его службы и за выѣздъ отца его Гаврила Беста городомъ Серпейскомъ». Если бы даже и не было столь вѣскаго документа, развѣ можно было бы принять такую странную аргументацію г. Петрова, что такъ какъ одинъ изъ двухъ братьевъ Плещеевыхъ именовался Третьякомъ, то уже это одно заставляетъ-де допустить, что кромѣ этихъ двухъ братьевъ, былъ еще третій, средній, Яковъ Рюма?.... Такимъ способомъ, конечно, можно было бы сочинить какую угодно родословную; но блаженная пора «невѣждъ, неимѣвшихъ понятія о возможности повѣрки родословныхъ показаній хронологіею» давно уже миновала.

Начертимъ «изводъ» г. Петрова:

[1]) Знакъ вопроса въ скобкахъ принадлежитъ автору.

Отъ Александра Плещея (1375 г.) до Якова Рюмы (1469 г.) всего 94 года и 5 колѣнъ, слѣдовательно, на каждое приходится по 18 лѣтъ съ небольшимъ. А между тѣмъ, самъ же г. Петровъ, принимаетъ за норму 30 лѣтъ (стр. 12). Правда, у г. Петрова, безъ Данилы (сына Александра Плещея), неосторожно пропущеннаго имъ, выходитъ гораздо лучше: 4 колѣна и слѣдовательно по 23 года на каждое. Но вѣдь это вслѣдствіе пропуска, который мы обязаны были пополнить и потомъ уже производить разсчетъ.

Основавшись на такой зыбкой почвѣ, г. Петровъ, вопреки заявленію самихъ Бестужевыхъ (Рюминыхъ), что «Новгородцы, Костромичане и иныхъ городовъ пишутся ихъ прозваніемъ Бестужевы, а тѣ люди роду не ихъ», собираетъ въ свою роспись безъ разбору всѣхъ лицъ, носящихъ фамилію Бестужевыхъ. Напримѣръ, Василій Матвѣевичь (см. нашу таблицу, степ. IV, № 5), по сказкѣ самихъ Бестужевыхъ (Рюминыхъ) былъ бездѣтенъ. А. г. Петровъ надѣляетъ его сыномъ Новгородцемъ Аѳанасьемъ и тремъ внуками: Иваномъ Большимъ, Осипомъ Образцомъ и Иларіономъ. При среднемъ, Осипѣ Образцѣ, г. Петровъ примѣчаетъ, что онъ «убитъ, конечно, молодымъ въ Казанскомъ походѣ 1487 года, когда утопулъ братъ его Иларіонъ». Откуда взято это извѣстіе, не знаемъ. Но если и принять его на вѣру, все таки Осипъ Образецъ, убитый въ 1487 году, никакъ не могъ быть внукомъ Василья Матвѣевича и, слѣдовательно, праправнукомъ Якова Рюмы, упомин. въ 1469 году. На четыре колѣна приходится всего 18 лѣтъ, по четыре года съ небольшимъ на каждое колѣно!

По сказкѣ Бестужевыхъ (Рюминыхъ), у Матвѣя Яковлевича (степ. III, № 4) было три сына: Василій, Иванъ и Ѳедоръ. А г. Петровъ называетъ четырехъ: Василій, Ѳедоръ и два Ивана, объясняя весьма неопредѣленно, что «дѣти младшаго Ивана «жили при «Грозномъ еще (1551—1565 г.), какъ Андрей, напримѣръ».

По сказкѣ же Бестужевыхъ у Петра Юрьевича (степ. VIII, № 37) было 4 сына: Иванъ, Степанъ, Семенъ и Дмитрій. Г. Петровъ переноситъ всѣхъ четырехъ изъ потомства Ѳеофана Гла-

6*

зуна въ другую вѣтвь, идущую отъ его старшаго брата Данилы Краснаго. Онъ показываетъ у Дмитрія Ивановича (степ. X, № 56) сына Петра и ему отдаетъ всѣхъ четырехъ сыновей Петра Юрьевича. Замѣтимъ, что старшій изъ нихъ, Иванъ Петровичь, въ 1686 году, самъ подавалъ въ Разрядъ ту самую поколѣнную роспись, въ которой отецъ его показанъ Петромъ Юрьевичемъ, правнукомъ Ѳеофана Глазуна.

Вводя новыхъ лицъ въ родословіе Бестужевыхъ-Рюминыхъ, вѣроятно изъ родословій Бестужевыхъ Новгородскихъ, Костромскихъ, Рязанскихъ «и иныхъ городовъ», г. Петровъ нерѣдко становится въ недоумѣніе, куда ихъ помѣстить. Напримѣръ, по его словамъ, «оказывается существенное разногласіе въ имени «дѣда Трифона, Дмитрія и Тимоѳея Андреевичей. По ука«заніямъ Рязанской вѣтви, это былъ Аѳанасій Ѳедоровичь, «внукъ Василья Ѳеофановича; по всѣмъ же другимъ изводамъ ро«дословцевъ—не Аѳанасій, а Алферій (Елевферій) Ѳедоровичь, «Намъ кажется это правильно»... И намъ кажется это, по крайней мѣрѣ, правильнѣе, потому собственно, что Алферій Ѳедоровичь дѣйствительно находится въ родословной Бестужевыхъ-Рюминыхъ, а Аѳанасья Ѳедоровича тамъ нѣтъ. «Указаній же Рязанской вѣтви», равно какъ и «всѣхъ другихъ изводовъ родословцевъ», мы не знаемъ.

Дойдя до сыновей Андрея Юрьевича (степ. VIII, № 35), Семена и Дмитрія Андреевичей, г. Петровъ говоритъ: «И сами «подаватели родословій спутываются въ указаніи: чей внукъ былъ «Дмитрій, отецъ генералъ-маіора петровскаго Петра Дмитріе«вича и брата его Николая—Алферія Ѳедоровича или Ивана Иг«натьевича (?)[1]) Принимая въ соображеніе, что канцлеръ графъ «Алексѣй Петровичь считалъ Петра Дмитріевича своимъ родствен«никомъ изъ одной линіи, слѣдуетъ склониться къ предположенію, «что генералъ-маіоръ Петръ Дмитріевичь былъ сынъ не Дмитрія «Ивановича, а Дмитрія Андреевича, какъ показалъ представи«тель Нижегородской вѣтви Иванъ Павловичь Бестужевъ-Рю-

[1]) Знакъ вопроса въ скобкахъ принадлежитъ автору.

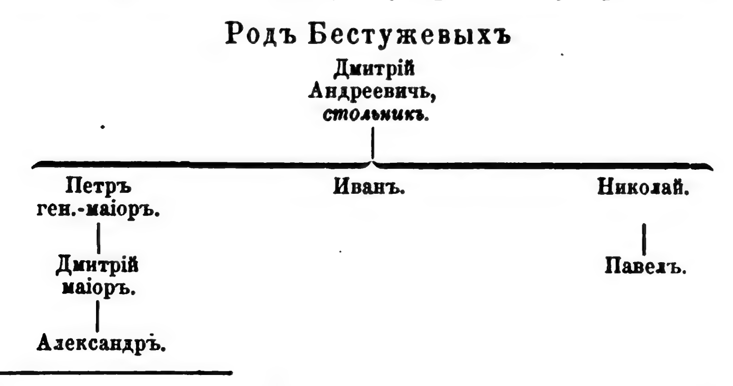

минъ». Совершенно вѣрно, петровскій генералъ-маіоръ Петръ Дмитріевичь Бестужевъ (наша таблица, ст. X, № 57), дѣйствительно былъ сынъ Дмитрія Андреевича, но только не того, что введенъ въ родословную г. Петровымъ (какъ внукъ Алферья Ѳедоровича), а совсѣмъ другого Дмитрія Андреевича (степ. IX, № 43), внука Юрья Васильевича. Говоримъ это на основаніи дѣла Герольдмейстерской Конторы 1776 года[1]), которое даетъ возможность указать и на другую весьма существенную ошибку въ родословіи Бестужевыхъ-Рюминыхъ.

«Замѣтимъ, — говоритъ г. Петровъ — что сами представители «Нижегородской вѣтви указывали особымъ образомъ происхож-«деніе ея отъ Никиты Дмитріевича (см. нашу таблицу, степ. VII, «№ 19). У Никиты они указывали сына Аѳанасія, внука Ѳедора «и правнука Дмитрія Андреевича[1]), посла въ Царьградъ въ «1713 году. Сынъ этого Дмитрія Андреевича былъ Николай «Дмитріевичь, отецъ Павла Николаевича» и т. д.

Документы же показываютъ совсѣмъ другое происхожденіе Нижегородской вѣтви Бестужевыхъ-Рюминыхъ.

3 Мая 1776 года, генералъ-маіоръ Аполлонъ Веригинъ, явясь въ Герольдмейстерскую Контору, сказкою показалъ, что онъ отдаетъ своего племянника Александра Бестужева (степ. XII, № 63) въ шляхетный кадетскій корпусъ и въ доказательство его дворянства представилъ слѣдующую родословную роспись:

[1]) Архивъ Департамента Герольдіи: книга рѣшенныхъ дѣлъ № 28.

[2]) Можетъ быть Ѳедоровича?

И такъ, Нижегородская вѣтвь Бестужевыхъ-Рюминыхъ происходитъ не отъ внука Данилы Краснаго, Никиты Дмитріевича (см. нашу таблицу, степ. VII, № 19), а отъ его младшаго брата Ѳеофана Глазуна (степ. V, № 10), какъ это видно изъ представленной въ Герольдмейстерскую Контору родословной росписи. Указанный въ этой росписи Павелъ Николаевичь есть родной дѣдъ нашего почтеннаго историка Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. А канцлеръ графъ Алексѣй Петровичь Бестужевъ-Рюминъ, сынъ Петра Михайловича (степ. IX, № 40) принадлежалъ къ старшей вѣтви, отъ Данилы Краснаго, второго праправнука Гаврилы Беста.

Изъ 4-й части книги г. Петрова (Дворяне нетитулованные) возьмемъ для разбора статью о дворянахъ Нарышкиныхъ (стр. 378).

Долгое время всѣ родословы почему-то обходили Нарышкиныхъ и лишь въ 1871 году, извѣстный авторъ «Семейства Разумовскихъ» Александръ Алексѣевичь Васильчиковъ, первый далъ родословіе этой старинной дворянской фамиліи [1]) и при томъ столь полное, обстоятельное, что даже такой опытный родословъ, какъ князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, не нашелъ почти ничего для дополненія этого родословія, и безъ измѣненія напечаталъ его въ I томѣ своей Родословной книги, опустивъ только первыя 6 колѣнъ и весь историческій текстъ [2]).

А. А. Васильчиковъ воспользовался для своей статьи единственнымъ извѣстнымъ спискомъ родословія Нарышкиныхъ, хранившимся у Е. А. Нарышкиной (рожд. Хрущовой), значительно дополнивъ его и объяснивъ данными, извлеченными изъ подлинныхъ Боярскихъ книгъ и разныхъ напечатанныхъ актовъ; а за позднѣйшее время (XVIII и XIX столѣтія) и извѣстными ему преданіями, а также личными воспоминаніями. Въ результатѣ вышло образцовое родословіе съ яснымъ обозначеніемъ образованія рода и его развѣтвленій, а главное, съ точными и весьма

[1]) Оно напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» за 1871 годъ, стр. 1487—1519.
[2]) Русская родословная книга. Т. I. Спб. 1873. стр. 239—250.

важными историческими извѣстіями о разныхъ лицахъ рода Нарышкиныхъ.

Родословіе, составленное г. Васильчиковымъ, послужило г. Петрову единственнымъ источникомъ для статьи о Нарышкиныхъ. Источникъ несомнѣнно хорошій, надежный. Слѣдовало бы только прямо назвать его, а не озадачивать читателя съ первыхъ же строкъ ссылкою на «родословіе, составленное на основаніи разрядныхъ документовъ». Кѣмъ составленное? Другой такъ и останется съ убѣжденіемъ, что это есть нѣчто новое, а не то самое родословіе, которымъ подарилъ Русскую историческую науку г. Васильчиковъ еще 15 лѣтъ тому назадъ.

Судя по статьѣ г. Петрова, за эти 15 лѣтъ не прибыло никакихъ новыхъ извѣстій ни по родословію Нарышкиныхъ, ни по исторіи этой фамиліи. Въ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ мѣстахъ г. Петровъ какъ будто бы поправляетъ и дополняетъ г. Васильчикова, но, безъ указанія на документъ, поправки эти имѣютъ иногда видъ простыхъ описокъ. Напримѣръ, о сынѣ старшаго праправнука родоначальника Нарышко, Иванѣ Семеновичѣ Нарышкинѣ, г. Васильчиковъ говоритъ, что онъ былъ написанъ въ подворную тысячную книгу въ 1536 году (стр. 1493, № 8); а г. Петровъ ставитъ 1544 годъ и кромѣ того, прибавляетъ неизвѣстно откуда, что Иванъ Семеновичь «убитъ въ Казанскомъ походѣ (1552 года)». Не относится ли это послѣднее извѣстіе къ двоюродному племяннику Ивана Семеновича, къ Ивану Ивановичу Нарышкину, какъ это показано у князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго? [1]).

О Тимоѳеѣ Ѳедоровичѣ Нарышкинѣ, двоюродномъ братѣ упомянутаго Ивана Семеновича, у г. Васильчикова ничего не сказано; а г. Петровъ говоритъ, что онъ «подписался какъ Малоярославецъ подъ документомъ 1565 года» (?).

О Борисѣ Ивановичѣ Нарышкинѣ г. Васильчиковъ (стр. 1494, № 20) говоритъ, что онъ въ 1576 году былъ головою въ большомъ полку; такъ, дѣйствительно, значится и въ разрядной книгѣ, указываемой г. Васильчиковымъ; а г. Петровъ ставитъ 1516 годъ.

[1]) Русская родословная книга Т. I. Спб. 1873. стр. 239, № 1.

Братъ Бориса Ивановича, Иванъ Ивановичъ Нарышкинъ, по словамъ г. Васильчикова, былъ убитъ подъ Кромами, какъ это показано и въ родословной, выданной, въ 1800 году, изъ Герольдіи Кириллу Михайловичу Нарышкину[1]); а г. Петровъ говоритъ, что Иванъ Ивановичъ «палъ подъ Краснымъ».

О Полуектѣ Ивановичѣ Нарышкинѣ, родномъ дѣдѣ царицы Натальи Кирилловны, г. Васильчиковъ говоритъ, что «въ боярской книгѣ 1627 года, на 414 листѣ онъ показанъ въ числѣ дворянъ по городу Тарусѣ. Помѣстный окладъ ему 600 четей» (№ 28, стр. 1495); а г. Петровъ повѣствуетъ, что Полуектъ Ивановичъ «въ 1627 году владѣлъ 414 четвертей (четвертями?) въ полѣ» (стр. 379, столб. 1, вторая строка сверху). Ясно, что историческая справка г. Васильчикова не дочитана до конца и цыфра 414, означающая листъ боярской книги, схваченная на-лету, пошла за цыфру помѣстнаго оклада!

Отца царицы Натальи Кирилловны, Кирилла Полуектовича Нарышкина, г. Петровъ называетъ «бѣднымъ Тарусскимъ жильцомъ». А между тѣмъ, еще въ 1657 году, когда Натальѣ Кирилловнѣ было всего 5 лѣтъ, онъ имѣлъ уже помѣстный окладъ въ 850 четвертей да съ придачею денегъ 38 рублевъ; а въ 1666 году, слѣдовательно, еще за 5 лѣтъ до бракосочетанія Натальи Кирилловны съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, Кириллу Полуектовичу было прибавлено еще 100 четвертей земли да денегъ 12 рублевъ. А всего онъ имѣлъ 950 четвертей земли, что̀ по теперешнему счету выходитъ 1425 десятинъ[2]), кромѣ денежнаго оклада въ 50 рублей. «Все это — справедливо замѣчаетъ г. Васильчиковъ — принявъ во вниманіе тогдашнюю цѣну денегъ, доказываетъ, что Кириллъ Полуектовичъ Нарышкинъ былъ далеко ненуждающійся человѣкъ».

Двоюродные братья Полуекта Ивановича, Ѳедоръ Филимоновичъ и Василій Филимоновичъ Нарышкины, по показанію

---

[1]) Архивъ Департамента Герольдіи: книга рѣшенныхъ дѣлъ № 73. л. 326.

[2]) Межевою Инструкціею 1766 года положено считать каждую четверть за полторы десятины.

г. Васильчикова, повторенному и княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, убиты: первый подъ Смоленскомъ, а второй стрѣльцами въ 1682 году. А г. Петровъ объ обоихъ говоритъ разомъ: «Пали, защищая царя (первый и второй убиты стрѣльцами)».

Иванъ Кирилловичь Нарышкинъ, родной братъ царицы, по вѣрному указанію г. Васильчикова, былъ женатъ на княжнѣ Прасковьѣ Алексѣевнѣ Лыковой, бывшей мамою царевича Алексѣя Петровича. А г. Петровъ говоритъ, что Иванъ Кирилловичь былъ «женатъ на княгинѣ Прасковьѣ Александровнѣ Лыковой, которая, вдовѣя, была мамою царевича Алексѣя Петровича».

О младшей сестрѣ царицы Натальи Кирилловны, Евдокіѣ Кирилловнѣ Нарышкиной, у г. Васильчикова и у князя Лобанова-Ростовскаго сказано просто: умерла въ дѣвицахъ 9 августа 1682 года. У г. Петрова: «умерла 9 августа 1689 года дѣвицею отъ чахотки, не вынесши ужаса убійства братьевъ стрѣльцами». Откуда взята эта подробность, неизвѣстно.

Согласно принятому правилу, г. Петровъ выводитъ сполна только старшую, царскую линію Нарышкиныхъ, т. е. потомство Полуекта Ивановича, дѣда царицы Натальи Кирилловны, и говоритъ въ началѣ, что вѣтвь эта «должна прекратиться за бездѣтствомъ обоихъ представителей, какъ мы укажемъ». Въ надеждѣ получить это указаніе, читатель доходитъ наконецъ до послѣднихъ двухъ представителей: Кирилла Львовича и Василья Львовича. При первомъ отмѣчено: «род. 1859 года † 186...?» А при второмъ: «род. 1841 года». Тѣ же отмѣтки сдѣлалъ 15 лѣтъ тому назадъ и г. Васильчиковъ съ тою лишь разницею, что Кириллъ Львовичь показанъ у него родившимся въ 1839 году. Но вѣдь Василій Львовичь Нарышкинъ еще здравствуетъ. Что же означаетъ выраженіе г. Петрова, что вѣтвь должна прекратиться, и гдѣ обѣщанное указаніе на это?

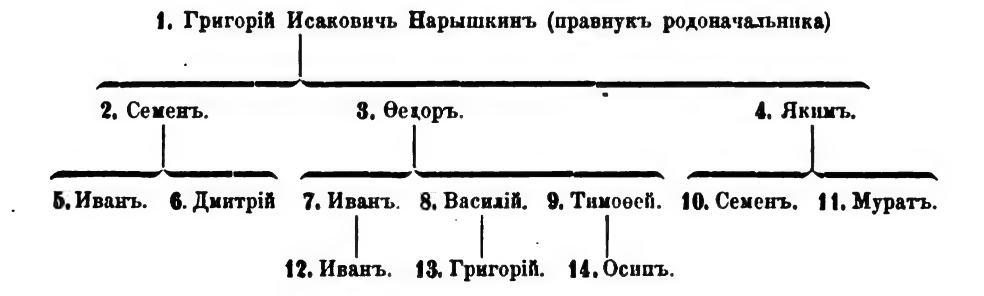
Г. Васильчиковъ показалъ, что извѣстный Эммануилъ Дмитріевичь Нарышкинъ женатъ на Екат. Никол. Новосильцевой. Тоже самое повторилъ и г. Петровъ. Но послѣ выхода въ свѣтъ

статьи г. Васильчикова, въ томъ же, впрочемъ, 1871 году, Эммануилъ Дмитріевичъ женился вторично на Александрѣ Никол. Чичериной. Слѣдовало бы означить это, по крайней мѣрѣ, по уваженію къ тому, что, въ настоящее время, Эммануилъ Дмитріевичъ есть старѣйшій представитель царской линіи Нарышкиныхъ.

Въ этой вѣтви Нарышкиныхъ, въ трехъ поколѣніяхъ отъ Льва Кирилловича, брата царицы, старшіе сыновья именовались Александрами. Лишь средній изъ нихъ, Александръ Александровичъ Нарышкинъ, гофмаршалъ Петра III-го, женатый на Аннѣ Никитичнѣ Румянцовой (по неуклюжему выраженію г. Петрова, «пріятельницѣ нашей Сѣверной Минервы»), не оставилъ потомства. Оно повелось отъ его младшаго брата, Льва Александровича, извѣстнаго острослова. При одинаковости именъ, очень досадуютъ опечатки или описки и особенно въ такой книгѣ, въ которой имена съ цыфрами, при убористомъ скупомъ шрифтѣ, идутъ сплошь, чуть не въ одну строку.

Г. Петровъ говоритъ: «У старшаго сына Александра Александровича — Александра Львовича было два сына: Левъ Александровичъ и Кириллъ Александровичъ» (стр. 380, столб. 1). Но Александръ Александровичъ, какъ сказано выше, не оставилъ потомства. Слѣдуетъ читать: У старшаго сына Льва Александровича и т. д.

Не угодно ли прочитать и слѣдующее мѣсто въ статьѣ г. Петрова, даже при помощи предлагаемой нами таблицы, съ обозначеніемъ тѣхъ лицъ, которыхъ касается рѣчь г. Петрова.

У Исака Өедоровича, говоритъ г. Петровъ, «былъ сынъ «Григорій и три внука: Семенъ, Өедоръ и Якимъ Григорьевичи. «Старшій сынъ перваго изъ нихъ — Иванъ Семеновичь.... Братъ «его Дмитрій Семеновичь. Сыновья второго дяди ихъ (Якима?) «ничѣмъ особенно себя не заявили, хотя сомнѣваться въ ихъ су«ществованіи нѣтъ резона за службою сыновей, изъ которыхъ «третій сынъ перваго былъ при Василіѣ Ивановичѣ воеводою «въ Лукахъ Великихъ».... У г. Васильчикова показано, что при в. кн. Васильѣ Ивановичѣ воеводою въ Великихъ Лукахъ былъ Иванъ Ивановичь Нарышкинъ (№ 12). Только послѣ этой справки можно догадаться, что рѣчь идетъ о сыновьяхъ не второго дяди Ивана и Дмитрія Семеновичей, какъ сказалъ г. Петровъ, а перваго — Өедора Григорьевича (№ 3). Однако, Иванъ Ивановичь Нарышкинъ (№ 12) былъ вѣдь единственнымъ, а не третьимъ, сыномъ Ивана Өедоровича?... Но г. Петрову не до отвѣтовъ на такіе вопросы. Онъ продолжаетъ: «единственный «сынъ второго (т. е. Василья Өедоровича?) Григорій Василье«вичь былъ воеводою въ Свіяжскѣ, а третій сынъ (чей?) подпи«сался какъ Малоярославецъ Тимоөей Өедоровичь подъ документомъ 1565 года» (стр. 378, столб. 2).

На этомъ окончимъ разборъ той части труда г. Петрова, которая касается родословій и служебъ дворянскихъ. На критику нашу могутъ замѣтить, что Исторія родовъ не есть Родословная книга, что отъ историка родовъ нельзя требовать такой же точности, какъ отъ настоящаго родослова. Съ своей стороны, мы остаемся при убѣжденіи, что невозможно писать Исторію родовъ и изъяснять ихъ образованіе и развѣтвленія безъ строго-точной и толково-изложенной родословной росписи.

Обращаемся въ область Геральдики и разсмотримъ гербы, помѣщенные въ книгѣ г. Петрова. Но предварительно мы обязаны сказать еще хоть нѣсколько словъ по поводу начала статьи г. Петрова о Нарышкиныхъ, такъ какъ оно прямо относится къ тому предмету, о которомъ мы собираемся говорить.

Г. Петровъ подымаетъ вопросъ о старой, всѣми оставленной

баснѣ относительно происхожденія Нарышкиныхъ изъ Чехіи. Съ удивленіемъ читаемъ у г. Петрова: «Распространилась въ «послѣдніе годы легенда о происхожденіи фамиліи Нарышки-«ныхъ изъ Чехіи, будто бы искаженное прозваніе цѣлаго пле-«мени Норисковъ (Norisken, по-Нѣмецки) сдѣлалось фамильнымъ «именемъ рода. Въ доказательство же приводили прямо гербъ «Нарышкиныхъ, въ одной изъ частей котораго (въ нижней) «въ красномъ полѣ видна рѣшетка — гербъ города Эгера, въ «Чехіи. Это ничего не доказываетъ.... Отрицая положительно «всякое учено-историческое значеніе легенды производства На-«рышкиныхъ отъ Норисковъ, мы говоримъ объ этомъ здѣсь «ради уже большого распространенія подобной нелѣпости, «пожалуй при другихъ обстоятельствахъ не заслуживавшей бы «и упоминанія.»

Любопытно знать, гдѣ именно въ послѣдніе годы такъ сильно распространилась указываемая г. Петровымъ легенда? И кто именно такъ досаждаетъ его спорами, даже съ указаніемъ въ доказательство на гербъ, что Нарышкины происходятъ отъ Норисковъ? Сколько извѣстно, у насъ давнымъ давно, по крайней мѣрѣ, съ послѣдней четверти прошлаго столѣтія, всѣ безспорно признаютъ, что родоначальникъ Нарышкиныхъ былъ выѣзжій Крымскій Татаринъ [1]). Еще въ 1798 году, составители 2-й части Общаго Гербовника, такъ сказать, оффиціально порѣшили съ баснею о Норискахъ, давъ такое объясненіе при гербѣ Нарышкиныхъ: «Родъ Нарышкиныхъ, какъ удостовѣряютъ нѣкоторые иностранные писатели, происходитъ изъ Богеміи отъ фамиліи Нарисцы, которая въ древнія времена имѣла во владѣніи городъ Егру, состоящій въ Германіи, на границахъ Богеміи. Въ справкѣ же Разряднаго Архива и въ Исторіи Россійской показано, что въ 1463 году, къ великому князю Ивану Васильевичу выѣхалъ изъ Крыму Нарышко». Очевидно, соста-

[1]) Въ концѣ 2 части изданной въ 1787 году Бархатной книги, помѣщена составленная исторіографомъ Миллеромъ Роспись фамиліямъ, подавшимъ въ Разрядъ родословныя, въ которой прямо сказано: Нарышкины выѣхали изъ Крыму; названіе приняли отъ предка, прозывавшагося Нарышко» (стр. 350).

вители Гербовника имѣли въ виду противупоставить баснословному сказанію, извѣстіе достовѣрное, извлеченное изъ документовъ Разряднаго Архива.

Что касается до рѣшетки (повторенные Андреевскіе кресты), помѣщенной въ гербѣ Нарышкиныхъ, то вѣдь это весьма употребительная геральдическая фигура. Ее находимъ и въ гербахъ коренныхъ Русскихъ дворянъ: Валуевыхъ (Гербовникъ, ч. I, № 38), Кравковыхъ (Гербовникъ, ч. IV, № 90), Зубатыхъ (Гербовникъ, ч. VIII, № 41). Но г. Петровъ никакъ не можетъ помириться съ тѣмъ, что рѣшетку помѣстили также въ гербѣ Нарышкиныхъ. Зачѣмъ было давать имъ гербъ Чешскаго города Эгера? Да если, напримѣръ, сами Нарышкины объявили составителю герба, что въ ихъ фамиліи существуетъ преданіе о выѣздѣ родоначальника, положимъ, изъ города Эгера. Составитель герба имѣлъ полное право выбрать изъ принятыхъ геральдическихъ фигуръ такую, которая напоминала бы объ этомъ преданіи, нисколько не отвѣтствуя за учено-историческое значеніе самого преданія.

Собственно о гербахъ, помѣщенныхъ въ книгѣ г. Петрова, много говорить не приходится уже потому, что они рисованы такимъ опытнымъ, знающимъ дѣло Художникомъ, какъ А. А. Фадѣевъ, уже около 30 лѣтъ состоящій на службѣ при Гербовомъ Отдѣленіи Департамента Герольдіи. За вѣрность гербовъ можно поручиться. Но нѣкоторые изъ нихъ въ цѣломъ или въ отдѣльныхъ частяхъ остались не шрафированными т. е. на нихъ не нанесены штрихи, установленные для означенія цвѣта поля и эмблемъ; а иные, впрочемъ, весьма немногіе шрафированы невѣрно. За все это разумѣется не могутъ отвѣтствовать ни г. Фадѣевъ, ни г. Петровъ. Это своего рода опечатки, за которыя отвѣчаетъ типографія. Впрочемъ, при каждомъ гербѣ г. Петровъ дастъ описаніе, по которому легко возстановить настоящую шрафировку.

Замѣченные нами недостатки расположимъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ идутъ гербы въ книгѣ г. Петрова:

1) Въ гербѣ князей Кольцовыхъ-Мосальскихъ (стр. 21)

не шрафированъ малый щитокъ въ правой лапѣ орла. Онъ долженъ быть червленый, какъ это сказано и въ описаніи г. Петрова.

2) Въ гербѣ князей Репниныхъ (стр. 34) правая половина, въ коей Кіевское знамя, шрафировкою означена лазуревою, а должна быть червленая, какъ это показано и въ описаніи г. Петрова.

3) Въ гербѣ князей Бабичевыхъ (стр. 46) остался нешрафированнымъ находящійся въ 3 части щита левъ. Онъ долженъ быть черный. какъ это означено и въ описаніи г. Петрова.

4) Въ книгѣ г. Петрова помѣщенъ гербъ князей Путятиныхъ (стр. 48), въ которыхъ Польское знамя Абданкъ (на подобіе буквы W). Слѣдовало бы помѣстить также гербъ дворянъ Путятиныхъ [1]), имѣющій большое родовое значеніе по своей фигурѣ (литера а), повторяющейся и въ гербѣ князей Бабичевыхъ.

5) Въ гербѣ князей Шаховскихъ (стр. 72) средній малый щитокъ, въ коемъ Ярославское знамя (медвѣдь), не шрафированъ. Онъ долженъ быть золотой, какъ сказано и въ описаніи г. Петрова.

6) Въ гербѣ князей Прозоровскихъ (стр. 67), поле средняго щитка не шрафировано и это совершенно вѣрно, потому что оно серебряное; въ описаніи же г. Петрова означено, по ошибкѣ, что оно червленое.

7) Въ гербѣ князей Засѣкиныхъ (стр. 90) положеніе медвѣдя измѣнено противъ Гербовника (Ч. II, № 5). Нужно держаться чего нибудь одного: или ставить фигуры вправо, по правиламъ геральдики или же влѣво, согласно Гербовнику.

8) Въ гербѣ князей Горчаковыхъ (стр. 80) поле щита не шрафировано. Это ввело въ заблужденіе и г. Петрова, который въ описаніи называетъ его серебрянымъ, тогда какъ оно должно быть золотымъ.

9) Въ Ростовскомъ гербѣ, Высочайше утвержденномъ

[1]) Общій гербовникъ. Ч. I. № 64.

31 августа 1778 года, изображенъ обыкновенный сѣверный (королевскій) олень, стоящій, съ тонкими рогами и гладкою шкурою; а въ книгѣ г. Петрова (стр. 97): идущій мохнатый олень съ широкими рогами (лопатками).

10) Въ Бѣлозерскомъ гербѣ, Высочайше утвержденномъ 16 августа 1781 года, въ верхней части изображенъ крестъ, сопровождаемый снизу луною; а въ гербѣ помѣщенномъ въ книгѣ г. Петрова (стр. 107) крестъ отнесенъ въ правый уголъ щита.

11) Въ гербѣ князей Гагариныхъ (стр. 145) средній щитокъ не шрафированъ. Онъ долженъ быть золотой, какъ указано и въ описаніи г. Петрова.

12) Въ гербѣ князей Хованскихъ (стр. 173) поля 2 и 3 частей щита шрафированы невѣрно. Онѣ должны быть не червленыя, а серебряныя, какъ показано и въ описаніи г. Петрова.

13) Гербъ князей Куракиныхъ (стр. 193) вовсе не шрафированъ, но описанъ г. Петровымъ совершенно вѣрно.

14) Въ гербѣ князей Дондуковыхъ-Корсаковыхъ (стр. 220), въ 6-й части щита по шрафировкѣ выходитъ: въ серебряномъ полѣ червленая башня; а должно быть лазуревое поле и серебряная башня, какъ это значится и въ описаніи г. Петрова.

15) Въ гербѣ князей Багратіоновъ (стр. 224) не шрафирована 4 часть щита. Она должна быть червленая, какъ это показано и въ описаніи г. Петрова.

16) Въ гербѣ князей Кочубеевъ (стр. 239) во 2 части щита, въ родовомъ гербѣ Кочубеевъ, полумѣсяцъ, звѣзда и кресты не шрафированы. Они должны быть золотые, какъ это показано и въ описаніи г. Петрова.

17) Въ гербѣ князей Ливенъ (стр. 240), малый щитокъ въ серединѣ, съ родовымъ гербомъ Ливенъ, тоже не шрафированъ. Онъ долженъ быть червленый. Въ описаніи г. Петрова этого не объяснено.

18) Гербъ князей Меньшиковыхъ (стр. 243) вовсе не шрафированъ, но описаніе г. Петрова совершенно вѣрно.

19) Въ гербѣ князей Паскевичей-Эриванскихъ (стр. 246) 1 часть шрафирована лазуревою, а должна быть золотою; 3 часть шрафирована золотою, а должна быть серебряною. Описаніе г. Петрова совершенно вѣрно.

20) Гербы князей Суворовыхъ-Рымникскихъ (стр. 247), графовъ Адлерберговъ (стр. 259), графа Евдокимова (стр. 276), графа Миниха (стр. 290) и дворянъ Римскихъ-Корсаковыхъ (стр. 387) вовсе не шрафированы. Описаны у г. Петрова вѣрно.

21) Гербъ князей Святополкъ-Мирскихъ (стр. 250) не описанъ у г. Петрова.

22) Въ гербѣ графовъ Шуваловыхъ (стр. 318) глава щита не шрафирована. Она должна быть черная, какъ это указано и въ описаніи г. Петрова.

23) Въ гербѣ дворянъ Арановыхъ (стр. 325) не вѣрно шрафированы: верхняя правая часть показана червленою, а должна быть лазуревою; лѣвая часть показана лазуревою, должна быть червленою. Описаніе же г. Петрова совершенно вѣрно.

Да не покажется кому-либо нашъ разборъ книги г. Петрова слишкомъ строгимъ. Мы вовсе не хотѣли отнимать у нея того значенія, какое она можетъ имѣть. Мы только хотѣли указать, что въ ней есть недостатки, устраненіе которыхъ весьма желательно. Повторяемъ, трудно представить себѣ Исторію родовъ безъ ясной, хронологически-точной родословной росписи и вполнѣ исправнаго послужнаго списка. Вслѣдствіе того, именно къ этой части труда г. Петрова мы старались отнестись съ особою внимательностію и указали въ этомъ отдѣлѣ всѣ замѣченныя неточности и пробѣлы.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Январь, 1887 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)